

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА

Цена ошибки некроманта

Лепестки (Цикл независимых романов)

Дарья Кузнецова

Цена ошибки некроманта

«Автор»

2026

Кузнецова Д.

Цена ошибки некроманта / Д. Кузнецова — «Автор»,
2026 — (Лепестки (Цикл независимых романов))

Работа судьи сложна и неблагодарна, особенно если выполнять её честно. Лавиния Шейс рискнула жизнью, защищаясь от сфабрикованных обвинений, и сумела сохранить доброе имя. Вот только с душевным равновесием всё не так просто, и Лавиния по настоянию целителя отправляется отдыхать подальше от столичной суеты туда, где её никто не знает. Но...Один труп. Один некромант. Несколько случайных совпадений.И об отдыхе остаётся забыть.

Содержание

Глава первая, в которой каникулы оказываются неизбежны	5
Глава вторая, в которой случайный попутчик портит отпуск	16
Глава третья, в которой разбиваются надежды	28
Глава четвёртая, в которой письмо находит адресата	36
Глава пятая, в которой происходит допрос	44
Глава шестая, в которой находят кое-что интересное	51
Глава седьмая, в которой жизнь начинает налаживаться	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дарья Кузнецова

Цена ошибки некроманта

Глава первая, в которой каникулы оказываются неизбежны

— Привет! Ну как ты тут? — смутно знакомый голос вырвал из липкого тумана полусна, в котором я плавала уже непонятно сколько времени.

С трудом разлепив глаза, я несколько секунд разглядывала склонившуюся надо мной женщину — красивую, яркую. Коротко стриженные чёрные волосы, серые лукавые глаза, родинка над бровью, придающая насмешливый вид.

Ангелика.

Имя всплыло из глубины памяти, потянуло за собой какие-то обрывки событий и разговоров. Я на мгновение прикрыла глаза, пытаюсь собрать фрагменты в связную картину. Секунда, другая — и это худо-бедно получилось.

Мы подруги, она — журналист. Надёжная, но вечно занятая.

— Привет. — Получилось едва слышно. — Слабость ужасная. Вспоминать сложно.

— Ну меня-то ты хоть помнишь? — возмутилась она.

— Помню, — улыбнулась я. — Немного. Обрывками.

— Ох, бедняжка, как они тебя измордовали! — насупилась Ангелика и угрюмо качнула головой. — Уроды. А ещё врачами себя называют! Ничего, вот ты выздоровеешь, я про их бесчеловечные эксперименты такой материальчик накатаю, они у меня...

— Не надо! — поспешила оборвать её. — Меня же предупреждали. Кажется... Я точно помню, что всё могло обернуться хуже, так что они молодцы. — И осеклась, потому что длинная фраза выпила последние силы.

— Ну ладно, ладно, ты только не нервничай! — отмахнулась женщина. — Я так, ворчу просто. Тем более они говорят, что всего самого плохого ты избежала, дальше просто нужно восстановиться, и память в порядок придёт. Держись, милая, ты молодец!

— Я... не помню. Всё получилось? — пробормотала я. — Мне, кажется, говорили, но...

— Не то слово! Там, снаружи, так штормит — жуть! — Серые глаза восторженно блеснули и по-кошачьи мстительно сощурились. — Не без моего, конечно, участия. Так бы они, может, по-тихому всё слили, отправили тебя на больничный, и ладно, но кто ж им даст!

— Не понимаю, — нахмурилась я. — Что с моими делами?..

— Никакого пересмотра, не волнуйся. А ты теперь — символ справедливого возмездия, подвижница и героиня.

— Что?.. — В голове и так всё путалось, а непоследовательность собеседницы только ещё больше осложняла ситуацию. Я никак не могла взять в толк, о чём она говорит.

— Так, извини, он же меня предупреждал, что с тобой сейчас нужно поосторожней, — тряхнула короткой стрижкой Ангелика, красиво всплеснула ладонями. — Рассказываю. Ты помнишь, как здесь оказалась?

— Да. Я согласилась на полное ментальное сканирование. Это был единственный способ доказать, что... — я осеклась и прикрыла глаза, потому что от разговора и попыток напрячь память закружилась голова.

— Тихо, тихо, без нервов! В общем, ты согласилась на ментальное сканирование, чтобы доказать, что ты — не продажная сволочь, взяток не брала и вообще настоящая судья, полно-

стью достойная этого звания. Ну а поскольку сканирование показало, что ты почти неприлично чиста перед законом, поднялась грандиозная буча. — Ангелика самодовольно улыбнулась. — Во-первых, твоего этого уroda уже размазали отсюда до самой Сердцевины. А во-вторых, ты теперь безумно популярна в народе. Сама понимаешь, продажные судьи и вообще взяточничество властных структур — тема популярная, что ни день — кого-нибудь ловят на горячем, а тут вдруг ты, зверь мифический и редкий. Так что можешь преспокойно выздоравливать и возвращаться в строй, тебя никто не посмеет и пальцем тронуть. Народная героиня, страдальца за правду и невинная жертва злодеев.

— Урод... Это ты про Тамиана? — уточнила слабо.

— Ну разумеется! Ещё скажи, что ты о нём скучаешь и жалеешь его!

— Нет. — Я устало прикрыла глаза, за которыми начала пульсировать боль.

— Ну и спасибо Творцу! Есть уже как минимум один плюс: ты избавилась от этого слизняка. — Подруге Тамиан никогда не нравился, поэтому такое отношение меня совсем не удивило. — Так, милая, что-то я тебя совсем утомила, — сообразила Ангелика. — Отдыхай, я обязательно ещё приду! И не занимай себе голову этим мерзавцем, а то знаю я тебя. Он был тебя недостоин и теперь, наконец, освободил место для настоящего мужчины, — подытожила она, пожала мне ладонь и поцеловала в щёку, обдав морским бризом любимых духов. — Всё, Винни, не скучай и поправляйся, ты умница!

Я нашла в себе силы улыбнуться в ответ и попрощаться, не открывая глаз. Но наказ подружки волей-неволей выполнила: ни забивать чем-то голову, ни скучать просто не получалось, сразу после её ухода вымотанный разум ухнул в темноту забвения.

Заметный прогресс наметился, если верить целителю, через пару дней после визита Ангелики: я сама плохо могла отслеживать время. Но в очередной раз проснувшись и ощутив непривычную ясность сознания, испытала облегчение.

— Вы молодец, Лавиния, — похвалил менталист, подтвердив мою субъективную оценку результатами осмотра. Этот пожилой мужчина с залысынами походил на старого пса — бесконечно усталые глаза с мешками под ними и словно бы извиняющаяся улыбка. При взгляде на него болеть сразу становилось совестно: он страдает, мучается, заботится о твоём здоровье, а ты тут лежишь и бездельничаешь. — Очень сильная. Теперь уже можно уверенно заявлять, что сканирование прошло успешно. Конечно, нужно ещё наблюдать, возможны какие-то отсроченные последствия, и реабилитация необходима, но самых неприятных сценариев мы с вами избежали.

— Это радует, — улыбнулась я ему. — Значит, мне скоро можно будет отправляться домой?

— Ну... ещё несколько дней я вас понаблюдаю, это обязательно, а потом — да, можете идти. Только вот домой я бы не рекомендовал, — ответная улыбка у менталиста получилась виноватой и грустной. То ли сама по себе, то ли из-за общего выражения лица.

— Почему?

— Наш институт столько, сколько вы здесь находитесь, осаждают журналисты. Конечно, в это крыло им ходу нет: у нас очень строгий контроль посещений и хорошая охрана. Специфика такая, всем нашим пациентам, не только вам, нужен покой и тишина, никаких потрясений и никакого шума, поэтому — только родные и близкие и только по предварительной договорённости, вроде как с вашей подругой было. Но пролезть пытаются. А там, в городе, их уже ничто не остановит.

— Да уж, — кисло ответила я. Конечно, Ангелика с самого начала предупреждала, что интерес её коллег неизбежен, но одно дело — на словах и о будущем, которое ещё, может, не настанет, и совсем другое — понимать, что за дверью кружит стая грифов. — И что вы посоветуете?

— Пока отдыхать. И потом — тоже. Поезжайте куда-нибудь к морю, в тихое сонное местечко. Ну знаете, из таких, где самое большое событие кварты — роды у соседской кошки. Не в туристический город, не на курорт, а именно в какую-нибудь Творцом забытую глушь. И лучше всего — под чужой фамилией.

^Кварта — мера времени, четыре декады. Год состоит из четырёх сезонов по две кварты в каждом, сезоны отделены друг от друга межсезоньем, составляющим также около декады^

— И по поддельным документам? — не удержалась я от улыбки.

— Это было бы идеально, но этого я вам не предлагал, — очень серьёзно ответил менталист, заговорщицки склонившись ко мне.

— Вы думаете, поможет?

— Не знаю. Но вам нужен покой как минимум на ближайшую пару декад. Никаких потрясений, никаких переживаний, а дома это вряд ли получится, так ведь?

— Да, пожалуй. Спасибо, я подумаю, — пообещала неуверенно.

Думать не хотелось. Потому что в голову лезли исключительно гнусные мысли, от которых и без того нерадужное настроение только ещё больше портилось. Пожалуй, единственное, что меня сейчас радовало — это успех ментального сканирования, авантюры, на которую я решила от отчаяния. Пересмотра моих вердиктов за последний год не будет, а значит, кто бы ни стоял за всей этой историей, желаемого он не добился. Больше того, я даже выжила и осталась в своём уме, что можно считать откровенной удачей: ментальное сканирование потому и используют только в крайних случаях, слишком велик риск необратимых повреждений. Но когда тебя загоняют в угол, и не на такое пойдёшь.

Такое везение утешало слабо. Когда единственный стимул жить — назло врагам, это не очень-то хорошо.

Нет, несмотря на общее паршивое настроение, состояние и ощущение безысходности, умирать я не собиралась. Выкарабкаюсь. Выучу урок, в следующий раз буду гораздо аккуратнее, и всё такое. Просто... наверное, менталист прав. Нужно отдохнуть, сменить место и окружение. Сбежать? Пусть так. Сейчас это уже не побег, а тактическое отступление для перегруппировки сил. В конце концов, генеральное сражение я уже выиграла.

— Вы точно хорошо себя чувствуете? — забеспокоился целитель.

— Это не имеет отношения к процедуре, — поморщилась я.

— Так и я специалист не по сканированию, а по голове, — улыбнулся он. — Рассказывайте. Что случилось?

Я неопределённо пожала плечами. Как-то странно это — вываливать личное на постороннего человека. А с другой стороны... эти люди выпотрошили мои мозги и знают обо мне, наверное, больше, чем я сама. Более чем уверена: он в курсе, что именно меня угнетает, но проявляет вежливость. Или, может быть, использует какой-то особенный медицинский подход.

— Я не знаю, как жить дальше. После... всего. Как можно доверять людям? Как смотреть в глаза коллегам, которые раньше улыбались, а потом стали поливать грязью? Не все, конечно, но... Противно.

— Отдохните, Лавиния, — тепло улыбнулся мужчина, пожал мою руку, расслабленно лежащую поверх тонкого больничного одеяла. — Я понимаю, о чём вы, и у вас, конечно, есть повод для переживаний. В конце концов, разочаровываться в людях всегда тяжело. Но я уверен, вы справитесь, вы молодая и очень сильная. Просто переживания наложились на последствия процедуры, поэтому вам сейчас так трудно. Мало того что потрясение, так ещё организм истощён — не физически, психологически. Это получается как обычная простуда: если сильный иммунитет, то она проходит быстро и легко, а если нет — может надолго затянуться. У вас сейчас, продолжая аналогию, иммунитет очень ослаблен процедурой

— То есть на скорое облегчение рассчитывать не приходится? — усмехнулась я.

— На полное восстановление понадобится кварта или больше, но самочувствие выровняется уже через пару декад, а с ним и настроение. А пока возможна чрезмерная или сниженная эмоциональность, чувствительность, утомляемость... В общем, вам точно нужно отдыхать. И аккуратно принимать лекарства.

— Хорошо, я поняла. Постараюсь быть дисциплинированным пациентом.

— Я в вас не сомневался. Да, ещё одно! Приходил следователь, очень хотел с вами поговорить, когда сможете.

— Следователь? А по какому вопросу? — сразу же насторожилась я. За последние перед сканированием дни я уже так наговорилась с этими людьми, что вряд ли скоро смогу спокойно с ними общаться.

— Он не говорил, но держался очень вежливо. Гитон Марг, кажется, так.

— Гитон? — Я ещё больше растерялась. — А ему-то я зачем могла понадобиться?..

— Вы его знаете? Мне сообщить, что вы не желаете его видеть?

— Нет, напротив, я с ним поговорю. Да, я его знаю, он... хороший следователь.

Менталист ещё немного посидел со мной, кажется пытаясь отвлечь и развлечь, а после отправился к остальным своим немногочисленным пациентам.

Следователя Марга я знала достаточно давно и очень уважала: серьёзный, опытный мужчина, отличный специалист, вездливый и аккуратный — идеал своей профессии. Пересекались мы нередко, с ним было одно удовольствие работать. Если Гитон приходил за каким-то постановлением, это всегда было оправданно и почти всегда — результативно.

Вот только одна проблема: Марг состоял в отделе убийств, и я понятия не имела, что ему могло понадобиться. Свои судейские обязанности я сейчас выполнять не могла, ему прямая дорога к кому-то, занявшему моё место, как частное лицо я ему тем более не интересна. Когда я успела стать свидетелем или, хуже того, обвиняемой в убийстве?!

Однако бегать от следователя я в любом случае не собиралась, это глупо. Он всё равно найдёт способ поговорить, и лучше сделать это добровольно поскорее, чем полдекады спустя по повестке в допросной УСД.

^УСД — Управление следственных дел^

Явился Марг очень скоро, не прошло и пары часов. С небольшой картонной коробкой в руках и, к моему удивлению, один, обычно его сопровождал кто-то из молодёжи — и из соображений передачи опыта, и для всяческой беготни и оформления бесчисленных бумажек.

Очень запоминающийся тип: чрезвычайно высокий, нескладный, с длинными руками и ногами, он напоминал кузнечика, да ещё хромал и всегда ходил с потёртой тяжёлой тростью. Я знала, что трость эта с сюрпризом, внутри прятался клинок: как-то доводилось выносить вердикт по делу о превышении Маргом полномочий. А вот лицо, в пику сложению, у него было очень располагающим, приятным, даже красивым: тонкое, одухотворённое, с большими тёмными глазами, в обрамлении слегка вьющихся тёмно-серых волос.

Такая наружность скорее подошла бы художнику, но досталась сыщику, чем тот с удовольствием пользовался. Незнакомые люди легко верили в его безобидность, рассеянность и доброту. Опасное заблуждение, когда имеешь дело с одним из лучших боевых некромантов столицы, пусть и занимающим сейчас вполне мирную должность.

— Добрый день, Лавиния, — улыбнулся он, кажется, вполне искренне.

— Здравствуйте, Гитон. А он добрый? — спросила осторожно, поглядывая на коробку.

— На мой вкус — так неплохой. — Марг опустил на стул рядом с постелью, протянул упаковку мне. — Вот, это вам. Я решил, что навещать кого-то в больнице без гостинца — невежливо.

— А вы пришли просто меня навестить? — я ещё больше насторожилась, но в коробку заглянула. Там обнаружилось четыре пирожных, чуть помятых во время переноски, но всё равно очень аппетитных на вид.

— Не просто, — успокоил следователь. — Но одно другому не мешает. Я хотел поговорить с вами о Тамиане Юрде.

— Я не хочу о нём говорить, — отрезала я.

— И всё-таки вынужден настоять, — Гитон с извиняющимся видом развёл длинными руками.

— Зачем вам это? — спросила мрачно.

— Дело в том, что позавчера Тамиан Юрд был убит, дело это поручили мне, и начальство всех мастей требует результатов ещё вчера... Ну вы знаете, как это бывает. Лавиния? Вам плохо?

— Нет, я... — пробормотала тихо. — Подайте халат, пожалуйста, он вон там на вешалке. Я не могу обсуждать такое лёжа.

Гитон не заставил себя упрашивать. Поднялся, достал из шкафа халат, придержал, пока я пыталась попасть дрожащими от слабости руками в рукава. Смысла стесняться и отсылать следователя не было, в кровати я лежала в более чем пристойной больничной пижаме. А Марг — не мужчина сейчас, следователь.

Одевшись и запахнув халат, я села на край постели поверх одеяла. Гитон, всё это время наблюдавший за мной с интересом энтомолога над занятой букашкой, вернулся на свой стул.

Я силилась ощутить хоть что-то, но новость не тронула. Совсем. Как будто речь шла о ком-то чужом, постороннем. Не мужчина, которого я искренне любила почти год, а просто строчка некролога в газете.

Интересно, это та сниженная эмоциональность, о которой предупреждал менталист? Или для меня Тамиан умер раньше, за последнюю квартиру, пока длилось разбирательство и пока я выслушивала унижительные обвинения, терпела допросы и пыталась выдержать устроенную травлю?

— Как он умер?

— Ему перерезали горло в подъезде собственного дома. Одним движением, напали сзади, нож самый простой, брошен рядом с трупом, на нём никаких следов. Явно работал профессионал. Вошёл за ним, схватил за волосы, чирк — и нет, — Гитон изобразил жестами.

— Мне, надеюсь, не надо доказывать, что я уже несколько дней не покидала этой палаты? И организовать убийство у меня тоже не было возможности.

— Ну что вы, Лавиния, — укорил он. — Я ни за что не поверю, будто вы решили его убить, да ещё теперь, полностью оправдавшись по предыдущему делу. Впрочем... Даже если бы решили, мне бы никто не позволил вас подозревать.

— Почему?

— Нас журналисты сожрут с потрохами, если вас сейчас ещё в чём-то обвинить. Но это всё ерунда, речь о другом. Когда точно вы познакомились с Юрдом? При каких обстоятельствах?

Познакомились с Тамианом мы банально, в кафе недалеко от моего дома. После окончания дел я любила там сидеть в одиночестве — приводила в порядок мысли. Пила вкусный кофе, позволяла себе пару пирожных — за моей фигурой приходится следить, иначе она начнет расплзаться и стремиться к идеальной форме, то есть шару.

Юрд был... интересным. Наверное, хорошим психологом. Не красавец и не воплощённая девичья мечта, но очень обаятельный. Обычно я в такие моменты предпочитаю одиночество, но тогда почему-то поддалась на самую банальную из возможных попыток познакомиться. Почему такая красивая женщина скучает одна, позвольте присесть, позвольте угостить вас вином...

Я здраво отношусь к своей внешности. Понимаю, что не роскошная красавица, которой вслед оборачиваются, но знаю и плюсы — например, пышная грудь, выразительные яркие синие глаза. Поэтому внимание Тамиана меня не насторожило, он был не единственным, но польстило, потому что интересные мужчины знакомились со мной не слишком часто.

Он ухаживал. Тоже банально, но редкой женщине будут на самом деле неприятны всякие типичные мелочи вроде цветов и конфет. Не расспрашивал о моей работе, не пытался в неё лезть. О том, что я судья, узнал якобы случайно только через кварту наших встреч, но это вроде бы ни на что не повлияло. Был интерес к моей работе, но как будто совершенно невинный, мимолётный, просто как к части моей жизни. О себе говорил, что работает в большой торговой компании, ведущей дела с Сердцевиной и поставляющей туда продукты.

Я влюбилась. Сама не поняла, как это произошло — легко, медленно, исподволь. Сначала было любопытно и приятно, потом я начала чувствовать себя рядом с ним счастливой.

А чуть больше трёх декад назад всё закончилось. И счастье, и любовь, и репутация...

Тамиан Юрд оказался посредственным адвокатом, нанятым одной местной юридической конторой в Сердцевине — поэтому я и не узнала его, нам негде было пересечься. Как меня только ни полоскали за эту связь! А Тамиан... ничего личного, просто работа. И предложение о браке, которое я приняла за декаду до обнародования правды, тоже было — только работой.

Пересказ истории вышел сухим, безэмоциональным. Наверное, дело всё же не в последствиях сканирования, у меня было достаточно времени, чтобы всё отболело и отмерло. Поначалу я ещё пыталась обманывать себя и твердить, что всё это происходит не на самом деле, а теперь... Опускаться до такого самообмана — уже диагноз.

— Только я не понимаю, чего именно вы хотите от меня, — подытожила я пересказ. — Мне кажется, всё это уже выясняли, и рассказывала я не по одному разу. Не вам, конечно, но... При чём тут эта история? Или вы полагаете, что убили Юрда именно из-за неё?

— Это одна из версий, — кивнул Марг. — Как минимум, потому что в последний год он занимался почти исключительно вами. Конечно, Юрд был нечистоплотен в делах, и наверняка нажил себе достаточно врагов раньше, и вполне мог удрать из Сердцевины от них, чтобы спрятаться, и маскировка закончилась с этим большим и шумным скандалом. Но сомневаюсь, потому что не того он полёта птица, чтобы год искать по всем лепесткам. Нет, я почти уверен, что всё связано с последними делами.

— Я уважаю ваше чутьё, Гитон, но это сомнительно. Если тот, кто заказал меня, готов на убийство, зачем было городить такие сложности? Гораздо проще сразу убить и договориться с другим судьёй. Конечно, есть риск после этого опять наткнуться на кого-то принципиального: что бы ни говорила пресса, а я не одна такая честная. Не все и не на всё закрывают глаза за деньги, уверяю. Но этот риск есть в любом случае.

— Вот и начальство моё то же самое говорит, — сказал Марг. — И мягко, но настойчиво подталкивает к разработке прежних контактов Юрда. Между тем у меня есть версия, почему против вас сплели такую сложную интригу, не поскупившись на деньги, а теперь вдруг начали устранять свидетелей. До сих пор не удалось точно установить, по чьему заказу работал Юрд. Да никто, честно говоря, особо и не пытался. Ну что ему можно предъявить? Что он лгал женщине о своей профессии? Вы не хуже меня понимаете, что привлечь организатора можно в лучшем случае за клевету, и то он, скорее всего, выкрутится и отделается необременительным штрафом. Но есть одна деталь: после всей этой истории Юрда лишили адвокатского статуса. Он и до сих пор висел на волоске, а весь этот скандал стал последней каплей. И со средствами к существованию у него стало совсем туго.

— Вы думаете, он начал шантажировать организатора? — сообразила я. — За что его и убрали?

— Вероятно. И не исключено, что шантажировал Юрд не подробностями подставы для вас, за такое много не получишь. Он наверняка неоднократно встречался с заказчиком и мог

увидеть или услышать что-то, не предназначенное для его ушей или найти намеренно, для подстраховки. И, вполне возможно, не о вашем враге. Я склоняюсь к мысли, что убийство его организовал кто-то другой. Как вы верно отметили, совсем другой стиль работы.

— Как-то всё это... притянута за уши.

— Может быть. Да вы не волнуйтесь, я все версии разрабатываю. И прежних недругов, и вариант с вами, и какие-то другие личные связи вроде мести давнишних любовниц или недовольных клиентов. Но чутьё потребовало всё же поговорить с вами.

— Боюсь, ничем не смогу помочь, — я развела руками.

— Это не единственная причина моего визита. Кроме того, я хотел вас предупредить, — после короткой паузы проговорил мужчина, чуть хмурясь. — Если я прав и мы имеем дело со сговором нескольких лиц, то вам может угрожать серьёзная опасность. Они убрали свидетеля, могут и вас... заодно.

— Но какой смысл делать это теперь, когда я доказала собственную невиновность? Теперь уже пересмотреть мои дела будет невозможно.

— Из мести, полагаю.

— Гитон, вы, простите, говорите какую-то ерунду. У них был такой неторопливый, продуманный, аккуратный план, с помощью которого меня пытались подставить. Без малейшего риска для организатора, без возможных негативных для него последствий, то есть проработанный кем-то чистым перед законом и не желающим мараться. А тут вдруг вы приходите и говорите, что те же люди собираются меня убить. Вы всерьёз верите в это? — нахмурилась я. — А совпадение, будто Юрд что-то где-то услышал, и вовсе отдаёт бредом.

Поведение Марга откровенно настораживало. Повода не доверять этому мужчине у меня не было, он давно зарекомендовал себя как надёжная и честная ищейка. Но сейчас явно юлил.

— Ладно. — Гитон вздохнул и потёр переносицу. — У меня есть непроверенный и довольно ненадёжный источник, который уверен, что вас собираются убить. Вы очень многим как кость в горле, и то обстоятельство, что вы и сейчас сумели выкрутиться, стало кое для кого последней каплей. Я не назову имени и тем более не имею никаких весомых доказательств, я даже не уверен, что попытка найма действительно увенчалась успехом. И если бы речь шла о ком-то другом, я бы не беспокоился. В конце концов, мне собственное начальство по голове настучит, если я попытаюсь озвучить эти подозрения. Но лично вас я уважаю и не хотел бы, чтобы вы пострадали. Поэтому решил предупредить.

— И для этого зашли настолько издалека? — я поморщилась. — Гитон, вы снова темните. В конце концов, вы не найдёте ни одного судьи, кому так или иначе не грозили всем вплоть до смерти. Приговорённый, его родственники, недовольные слишком мягким вердиктом родственники пострадавшего. Обещают достать, пугают связями и обещают расправу — и после суда, и во время, и до. Почему именно сейчас вы уверены, что мне грозит настоящая опасность? В конце концов, я в ближайшую квартиру вряд ли вернусь к работе, все мои текущие дела переданы коллегам. Да и потом... несмотря на всю эту шумиху, ещё неизвестно, смогу ли я — и дадут ли мне! — работать. Даже если я вполне восстановлюсь после сканирования, во что искренне верит целитель.

— Сложно с вами, — улыбнулся Марг. — Хорошо, начистоту. Пока вы... болели, Юрд был очень нервным и очень много болтал. Подозреваю, он просто чувствовал, что на его шею затягивается удавка. И, подозреваю, сказанное им надо делить на десять, но...

— Он наговорил что-то про меня? — нахмурилась я, впервые за последнее время испытывая в адрес бывшего возлюбленного эмоции: раздражение и сожаление, что я в последний разговор с ним удержалась от оплеухи.

— Не прямо. Он просто говорил, что подстраховался, что в случае его смерти один надёжный человек, до которого никому не дотянуться и которого никто не найдёт, обнаружит некие сведения. Поскольку про смерть его не написал только ленивый, а ничего провокаци-

онного до сих пор не всплыло, есть два варианта: либо это была ложь, либо этот человек по каким-то причинам не мог обратиться к УСД или другим серьёзным людям. И тут на ум приходят именно вы.

— Вот сволочь. То есть он меня ещё и после смерти подставил? — возмутилась я. — Но почему? Кто в это поверит? После такого скандала...

— Многие люди не верят прессе. А вы не хуже меня знаете, что любую информацию можно вывернуть как угодно, и найти в этом скандале признаки вашего сговора с Юрдом — тоже, было бы желание. И я не утверждаю, что всё обстоит именно так, но в любом случае посоветовал бы вам побережся.

— А почему нельзя было сказать об этом прямо?

— Потому что я понятия не имею, насколько всё это правда. До сих пор неясно, кто мог организовать вашу травлю и подослать Юрда, у меня десяток фамилий в разработке. Ну и кроме того, рассказать детали вашей с ним истории знакомства сейчас можете только вы, а они мне в любом случае нужны. А ещё есть ряд вопросов о том, как он вёл себя за этот год, не было ли чего-то странного,стораживающего. Я понимаю, что сейчас вам сложно вспомнить — и по моральным причинам, и по сугубо физиологическим. Но очень надеюсь, что вы подумаете и дадите мне хоть какие-то зацепки. Он же не мог совсем ничего не говорить о собственном прошлом! Положим, о работе-то помалкивал, но влюблённые люди вообще редко говорят о рутине, это прерогатива давно сложившихся пар. Ничего не приходит на ум?

— Как вы правильно заметили, вспоминать, особенно мелочи, мне сейчас сложно. Но я поняла, постараюсь. Это всё, о чём вы хотели поговорить?

— Конечно нет. Я хотел предложить вам на некоторое время уехать из города.

— А вы не думаете, что там меня будет куда проще достать?

— Если вы просто уедете — разумеется. Но есть одна идея...

Идея Марга оказалась довольно простой и сводилась к банальной ловле на живца. Правда, отдать ему должное, поработать приманкой лично мне никто не предлагал, моё место должна была занять какая-то коллега следователя. Немного грима, немного правильной одежды, ментальный слепок — и, если верить Гитону, её даже хорошие знакомые от меня не отличат. Высказывание о том, что у меня типичная внешность и её несложно будет скопировать, по-женски не польстило, но лучше быть обычной и живой, чем красивой отправиться в печь.

Да и не очень-то умно обижаться на правду. Мы с Ликой всегда смеялись, что из нас можно собрать одну идеальную женщину, если не по характеру, то уж внешне — точно. Она слишком худая, очень переживает из-за отсутствия у себя груди и других аппетитных округлостей, а я — веду с этими округлостями неравный бой почти всю жизнь. У неё красивое лицо и изумительные волосы, но глаза — тусклые, глубоко посаженные, что она старательно исправляет косметикой. Моё же лицо до крайности заурядное, его невозможно запомнить, тонкие слабые волосы самого распространённого в нашем лепестке базальтового оттенка — невнятно-тёмно-серого, пыльного; зато очень красивые глаза, глубокого и яркого синего цвета. В общем, так и напрашивается идея собрать одно совершенство и выбросить всё остальное.

А женщину, которой предстояло меня заменить, Марг грозился привести для знакомства. Конечно, не ради удовлетворения любопытства, встреча требовалась ей для работы. Меня же некромант планировал аккуратно спроводить на отдых. По чужим документам. Интересно, это он с моим целителем пообщался или они просто думают в одну сторону?..

— А потом кто-нибудь распознает подделку, и меня посадят. Прекрасная идея! — проворчала я.

— Не волнуйтесь, не распознает, — улыбнулся Марг. — Вы что-нибудь слышали о городке с названием Клари?

— Первый раз слышу, — я задумчиво качнула головой. — А чем он знаменит?

— Ничем. Нам он подходит как раз тем, что это маленький городок на побережье. Там красивые пейзажи, чистое море, прекрасный воздух. Но самое главное, никаких туристов. Сонное уютное захолустье, где любой приезжий сразу оказывается как на ладони. Там к вам точно никто не сумеет подобраться.

— Да, только и я там буду чужой. Я прекрасно знаю такие захолустья, сама в подобном родилась. Мне же местные и не дадут жизни.

— О, об этом не беспокойтесь. Тамошний шериф — мой старый знакомый со времён службы у Разлома. Боевой некромант большой силы и опыта и вообще очень надёжный, хороший человек. Я ему напишу, он вас примет, так сказать, под крыло. Устроит всё с жильём, подберёт хорошую комнату у какой-нибудь местной пожилой вдовы, ну и присмотрит заодно, чтобы вам никто не угрожал.

— Напишите? — растерялась я. — Там что, зеркальной линии нет?!

— Есть. — Мне показалось или он правда смутился? — Только на приём она работает плохо, не везде. Оттуда мигнуть можно, а вот туда — уже труднее, не всегда сигнал проходит. И ловит не везде, это надо в специальное место идти.

— То есть там всё настолько глухо?

— Зато отдохнёте, — оптимистично заявил Марг. — Вам же как раз и нужно тихое, спокойное место, чтобы восстановиться. И никаких журналистов, никаких напоминаний о неприятных моментах!

— Ну да. А ещё меня можно посадить в одиночку, там тоже никаких напоминаний и безопасно.

— Ну зачем вы так, Лавиния? Там изумительно красивые места, природа. Я бывал в тех краях, прекрасное место для отдыха. И люди хорошие, дружелюбные.

— Да, только чужаков не любят... Я правильно понимаю, что, если я не соглашусь на этот вариант, ловить на живца вы всё равно будете, только уже прямо на меня?

— Могу дать слово, что лично я никаких слухов о вас не распускал и вообще не имею к этому отношения, — с лёгким укором заверил следователь. — Лавиния, я уже говорил, я очень уважаю вас как специалиста и искренне желаю уберечь. Среди судей по уголовным делам крайне мало людей, с которыми по-настоящему приятно работать.

— Хорошо, я вас поняла, — после короткой паузы сдалась я. — Целитель тоже настаивал на отдыхе где-нибудь в тихом месте, и природа, конечно, подойдёт для этого лучше, чем человеческое общество. А этот ваш... надёжный сослуживец, он вообще нормальный? Не принимайте на свой счёт, но вы не хуже меня знаете, что многие боевые некроманты, мягко говоря, не в себе. Конечно, служба у Разлома — то ещё испытание, и я им искренне сочувствую, но... Не хотелось бы лично сталкиваться с последствиями их травм. Мне сейчас собственных хватает.

— Об этом не волнуйтесь, Адриан вполне здоров.

— И именно поэтому забился в такую глушь? — не поверила я.

— Всё гораздо проще, — рассмеялся Гитон. — Он там родился. Потом заболела мать, он уехал ухаживать за ней, ну и остался в конце концов там. Разлом ни при чём, Адриан в принципе очень спокойный человек и не любит шума, так что там он на своём месте. Не волнуйтесь, я бы ни в коем случае не отправил вас к психопату.

— Очень на это надеюсь. Как вы планируете всё это организовать?..

Однако ответить Гитон не успел. Дверь распахнулась, впуская разъярённую, как порождение Разлома, Ангелику. В ярко-алом брючном костюме, с ярко-жёлтым шелковым шарфом, она напоминала сполох пламени — очень подходящий образ. Ей вообще идут сочные цвета и немного безумные наряды, я бы в подобном смотрелась чудовищно.

— И что это такое?! — подруга упёрла руки в бока и мрачно уставилась на следователя. — Кто давал вам право...

— Лика, не кричи, — попросила я. — Мы просто разговариваем, Гитон зашёл меня навестить. — Я кивнула на коробку, до сих пор сиротливо стоявшую на тумбочке.

— Так я и поверила! — буркнула она, но уже спокойнее — кажется, поняла, что никто меня не мучает. — Он не имеет права тебя допрашивать без адвоката!

— Лика, я законы знаю получше тебя, — проворчала я недовольно. — Сядь, не стой в дверях. Кстати, вот, — кивнула на подругу, обращаясь к следователю. — Как вы планировали обмануть её?

— Что значит — обмануть? — опять взвилась Ангелика. — Я так и знала, что он тут не просто так!

— Да, пожалуй, об этом я не подумал! — засмеялся Гитон, полностью игнорируя возмущённую журналистку. — И много у вас таких вот знакомых?

— Только Лика, я... не особо общительна, — отантилп не без смущения.

Не слишком приятно сознавать и тем более признавать вслух, что на тридцать шестом году жизни у тебя из всех близких людей — единственная подруга, с которой ты уехала из родного города, чтобы учиться. Родители посчитали тебя предательницей и не желают видеть, в школе друзей тоже не было, одни приятели, в университете — та же картина. А коллеги...

— Винни? Да о чём вы вообще?!

Следователю явно этого не хотелось, но пришлось рассказывать Ангелике всё. К удивлению Марга, журналистка пришла в восторг от плана и горячо его одобрила, даже изъявила желание поучаствовать для поддержания легенды. Гитон поглядывал на меня озадаченно, но вопросов не задавал. А я... Творец, ну это же Лика! Она всегда была авантюристкой.

В итоге окончательный план они разрабатывали без моего участия и не в моей палате. Впрочем, это было даже к лучшему: долгий разговор со следователем и попытки покопаться в памяти здорово утомили, поэтому после ухода гостей я опять улеглась спать — разболелась голова, да и настроение после всех этих размышлений сильно испортилось.

Я, конечно, с самого начала пыталась понять, кому было выгодно меня затравить. Настолько, что не пожалели денег нанять Тамиана Юрда на целый год, да ещё столько тянули с разоблачением. Это можно было считать единственной подсказкой: стоило рассматривать только те дела, которые длились достаточно долго, то есть были начаты до нашего знакомства и окончены незадолго до разоблачения. Но с учётом всех сроков апелляции и прочих деталей список расширялся до упомянутого Маргом десятка имён.

Увы, все дела, в которых замешаны большие деньги, быстро не заканчиваются. Кроме того, популярна практика, что дело попадает к тому, кто сопровождал расследование с самого начала — то есть подписывал санкции на обыск, разрешал слежку и прочее. Следствие же само по себе порой тянется годами.

Причём я почти не сомневалась, что поначалу никто не планировал затягивать это так надолго. Тамиан, скорее всего, должен был найти ко мне подход, отыскать слабости и рычаги давления. Но, видимо, наниматель вскоре понял, что добром со мной договориться нельзя, — если рассчитывал замять дело. Ну, или посчитал достаточно честной и благонадёжной, если искренне переживал за исход, но его направление на первых порах устраивало.

В любом случае делал всё это человек расчётливый, осторожный и явно не желающий всерьёз нарушать закон, не знающий недостатка в деньгах. Травлю организовали тщательно, с умом, подогрев прессу, и я даже подозревала, что организатор не только планомерно шёл к своей цели, но и получал удовольствие в процессе. И чтобы теперь вот так, перерезать горло свидетелю? Не верю.

Да, Юрд много болтал. Когда в прессе в очень грязной форме всплыла информация о связи и якобы сговоре судьи с адвокатом, Тамиан не стал играть несчастную жертву и в личной беседе почти сразу заявил мне, что с самого начала всё было спланировано. Вообще много чего

наговорил, что не хочется лишний раз вспоминать. Как я ему надоела, как ему было противно, как...

Этот разговор я предпочла бы забыть навсегда, но именно он засел в памяти чересчур крепко.

Конечно, Юрд в перспективе легко мог проболтаться о том, кто ему за всё это заплатил, и напугать «работодателя» проблемами — для богатых людей репутация тоже очень важна. Или узнать что-то ещё, не связанное с моим делом, как и говорил Марг. Вот только я никогда не поверю, что человек, который сплёл такую сложную красивую интригу, не нашёл бы способа избавиться от Юрда аккуратнее, чем ножом по горлу. Да и в то, что разом два человека независимо друг от друга твёрдо решили меня устранить, поверить сложно.

В общем, если Тамиан и узнал лишнее, то не об этом человеке, и, скорее всего, с ним никак не связанное. А единственной внятной угрозой мне могла служить только последняя, озвученная Маргом, то есть — кто-то может подумать, будто Юрд оставил мне какие-то сведения. Хотя тоже нелепица какая-то.

Нет, Гитон точно не сказал правды, кого и почему он хотел ловить. Впрочем, несмотря на сомнительность версий следователя и откровенное замалчивание им причин собственного поведения, я вполне верила в его благонадёжность и доброе ко мне отношение и не возражала против предложенного плана всерьёз. Это действительно лучший вариант — временно сменить обстановку и фамилию.

Считается, перемены отлично помогают справиться с хандрой, вот и проверю.

Глава вторая, в которой случайный попутчик портит отпуск

Говорят, все боевые некроманты безумны. Кто-то в большей степени и его изолируют от общества, кто-то в меньшей и даже кажется нормальным. То ли они все изначально такие, потому что дар сказывается, то ли — становятся после службы у Разлома, понятия не имею.

Я раньше, стараясь быть справедливой и не судить поспешно, считала всё это байками. Ну примерно как журналистов поголовно считают беспринципными падальщиками, готовыми ради хорошего материала продать родную семью, а у меня перед глазами есть Ангелика. Которая своего, конечно, не упустит, но никогда не пойдёт на подлость.

Оправдывая некромантов, я каждый раз вспоминала Гитона Марга. Он казался спокойным, рассудительным, умным человеком, гораздо более нормальным, чем основная масса моих знакомых. Но теперь уверенность в этом пошатнулась.

Просто никогда прежде мне не доводилось видеть его в работе, только в короткие моменты деловых встреч по вопросам того или иного расследования, когда Гитон был подготовлен, аккуратен и невозмутим. Оказывается, между этими встречами Марг кардинально менялся. Он был не просто энтузиастом своего дела, а самым настоящим фанатиком. Гитон жил только работой и думать о чём-то ещё не мог, кажется, чисто физически, а окружающих людей воспринимал исключительно как фигурантов, нынешних или будущих. И отношение это очень утомляло, я искренне сочувствовала его коллегам и особенно подчинённым.

Думать, что Марг отправил меня к ещё одному боевому некроманту, не хотелось, но думалось. Я пыталась успокоить себя теми объяснениями, которые приводил сам следователь, что шерифу просто уютнее в родном городе, но альтернативные теории возникали одна за другой. Что он дичится людей, псих-одиночка и вообще жертва Разлома в самом худшем варианте, с кошмарами, галлюцинациями и припадками ярости, почему и забился в дальний угол. А учитывая, что в таких маленьких городках шериф — это, считай, главная власть, делалось совсем уж не по себе. Утешало только обещание Ангелики поднять панику, если вдруг я перестану выходить на связь.

В остальном же я из подготовки этой поездки выпала совершенно. Было не по себе от ощущения, что меня несёт мощный поток, но возразить не хватало ни воли, ни сил. И вот как раз это пугало особенно: я привыкла самостоятельно выбирать судьбу, а здесь — чувствовала себя потерянной. И, боюсь, дело было совсем не в последствиях сканирования, а в моём личном Разломе, после которого невозможно остаться прежней.

Наш мир напоминает цветок с пятью лепестками. Есть Сердцевина — это один огромный город, в котором разные расы прихотливо смешаны и живут достаточно мирно. Этому способствует и постоянное присутствие там Творца, который хоть и редко вмешивается в дела своих детей, но не может на них не влиять, находясь рядом.

Три лепестка — это миры стихийных рас. Водные амфиры живут в Чёрном, воздушные венги в Синем, а огненные деморы — в Красном. Я видела стихийных только мельком, в столице, они очень редко до нас добираются. Эти лепестки далеко, сообщаются с нами только через Сердцевину, и долгое время их жители считались сказками. Крылатых венгов называли ангелами, вестниками Творца, рогатых деморов — демонами, его злейшими врагами.

Никто, конечно, не ответит, откуда взялись эти мифы, но считается, что прежде мир имел другую форму — был почти круглым бутонем, и все расы могли общаться свободно. А потом расцвёл, что обернулось для обитателей множеством потрясений, заставивших забыть прежнюю жизнь. На память остались только сказки, причудливо искажённые временем.

Мы живём в Белом лепестке, воплощении Духа. Или, как иногда говорят, Смерти. Менталисты, некроманты и нейтралы, устойчивые ко многим видам магии, — это таланты нашей расы. И долгое время из всех соседей мы общались только с жителями Зелёного, перевёртышами: два близких лепестка соприкасаются.

Увы, общение это очень редко было мирным, добрососедства не получалось. Нескончаемые войны случались одна за одной, пока в последнюю из них не произошло страшное. Очевидцев не осталось, поэтому никто не может сказать, что именно тогда произошло, но это точно не было вмешательством Творца. Вдоль почти всей линии соприкосновения лепестков пролёг Разлом. Чёрная бездна постоянно исторгает из себя хищных нематериальных тварей, выпивающих из людей чувства, разум и душу.

Я никогда не видела Разлома. Рядом с ним способны выживать только обученные некроманты, они как-то умеют противостоять его разрушительной воле, а все прочие... Чаще всего нейтралы вроде меня заканчивают в тех местах прыжком в ничто, а менталисты очень быстро выгорают.

Разлом возник чуть больше столетия назад, и, насколько я знаю, до сих пор нет ни одного внятного объяснения его природы и уж тем более — способа его уничтожения. Перевёртыши, которым тоже с их стороны приходится несладко, винят в его появлении нашу сторону, мы — их, но обоим соседям ничего не остаётся, кроме как бороться с угрозой. Сообщаются два лепестка теперь через узкий Перешеек и о войне уже не помышляют.

Поначалу глупые дети просили Творца о помощи, но он оказался глух к мольбам. Наш бог слишком справедлив, чтобы исправлять наши ошибки. Собственно, тогда и стало окончательно ясно, что Разлом сотворили люди.

За эти годы он незаметно вошёл в нашу жизнь. Даже те, кто никогда его не видел, с детства привыкают жить рядом с ним. Потому что в любом ребёнке к тринадцати годам может проснуться дар некроманта, который означает неизбежное знакомство с Разломом и его порождениями. Боевые будут противостоять хищным духам, мирные, из которых часто выходят потом целители, — спасать и защищать боевых.

Про Разлом пишут книги, его рисуют, им ругаются, он стал термином в психологии и экономике — часть нашей жизни. Иногда кажется, что часть эта неотъемлема, она была всегда и останется навечно.

Сидя в пустом купе готового к отправлению поезда, я рассеянно думала именно об этом. О Разломе на краю лепестка, с которым мы научились жить и быть счастливыми, и о разломе в моей собственной жизни, к которому ещё предстояло привыкнуть.

И хотя я испытывала облегчение оттого, что суэта закончилась, я скоро отправлюсь в путь, решение принято и не изменится, всё равно грызло неприятное чувство, что это попытка сбежать от проблем. Как было — уже не будет, и вряд ли я смогу даже после окончательного восстановления нормально работать. Не дадут.

Попроситься, что ли, к Маргу стажёром?..

Мои вялые, унылые мысли прервало появление попутчика, и одновременно с этим мимо окна медленно поплыл перрон с провожающими.

Соседом по купе оказался грузный мужчина средних лет, суетливый и потеющий. Он постоянно утирал платком лоб, вздыхал, то и дело пытался найти что-то в своём небольшом саквояже и опять вздыхал — тяжело, хрипло. Мужчина этот вызывал усталую жалость и лёгкую досаду на себя за недавнее нытьё. Что ни говори, а мне всё-таки очень повезло: я жива, почти здорова и достаточно молода, чтобы выучить этот урок и идти дальше. А здесь человек явно болен, но ничего, не страдает и не ноет, даже радуется жизни.

Непонятно, правда, что именно я должна была выучить. Что любой может предать? Что людям нельзя доверять? Не уверена, что хочу делать такие выводы...

Необременительный разговор о погоде и столице мой сосед поддержал с воодушевлением. Он, к счастью, оказался не местным жителем и столичными сплетнями не очень-то интересовался, приезжал сюда по делам и сейчас возвращался домой, к жене и детям. Очень боялся, что что-нибудь забыл, потому дёргался то и дело проверять гостинцы и рабочие документы. Со мной он должен был ехать всего сутки, его родной город располагался не так уж далеко.

Для меня вообще-то стало новостью, что в этот Клари ходят поезда. Правда, вскоре выяснился подвох, который меня успокоил: это событие происходило два раза в декаду, и шёл туда не весь состав, а один вагон. Его в Фонте, крупном городе в восьми часах пути от Клари, отцепляли и ставили довеском к товарному. В городке имелся приличный рыболовный флот, добыча которого перерабатывалась там же, на заводе, так что сообщение с ним было всё же весьма активным.

В Фонте я заранее предчувствовала неприятности. Одно дело — просто ехать куда-то на поезде, который вряд ли куда-то денется целиком, а вот куда и как нас перецепят — это большой вопрос. Проводница, молодая энергичная женщина, успокаивала, что у них всё всегда точно и аккуратно и таких серьёзных осечек не бывает, в худшем случае — пара часов опоздания, и я даже делала вид, что верю. Но успокоюсь, наверное, только тогда, когда окажусь в той самой симпатичной уютной комнате в доме у какой-то мирной старушки, которой грозился Марг.

Ненавижу путешествия.

В качестве страховки я везла с собой письмо от следователя к его другу-шерифу. Что-то подсказывало, что почта до города Клари приедет со мной вместе, в том же самом товарном составе, так что надежды на радушную встречу было немного. Впрочем, ладно, доберусь как-нибудь.

Если не считать этих опасений, дорога выдалась очень скучной и нескончаемой. До Фонта было больше двух суток пути, и время я коротала за чтением, чаще всего — в вагоне-ресторане. Хуже всего было ночью: я и так слишком хорошо выспалась за дни в больнице, а тут ещё вагон качался, да и первый попутчик похрапывал. Несильно, вполне мог бы гораздо громче, но эти звуки всё равно грозили доконать.

Впрочем, когда сосед распрощался и вторую ночь я встретила в одиночестве, легче не стало. Отвратительное состояние: накопившаяся монотонная усталость давила на виски, глаза закрывались сами собой, но дальше дело не шло и заснуть всё никак не выходило. Я ворочалась, то и дело поправляла подушку, потом садилась и зажигала свет. Немного читала, быстро начинала клевать носом, снова укладывалась и всё повторялось по новому кругу.

Уснуть в итоге сумела только к утру, кажется, просто потому, что поезд сделал длинную остановку и перестал качаться. И неожиданно для себя самой проспала аж до полудня — всё-таки мне повезло, что билет на соседнее место до Фонта никому не понадобился.

Тоже та ещё странность. Неужели в Клари регулярно ездит кто-то, готовый покупать такие дорогие билеты? В вагоне имелось одно двухместное купе — первый класс, два обычных четырёхместных второго класса, а остальную часть вагона отдали под третий класс — ряды коек в два яруса, разделённых перегородками на небольшие закутки. Такое смешение показалось странным, хотя я и не могла назвать себя знатоком поездов, слишком редко путешествовала.

Да что там, если совсем честно — всего три раза в жизни ездила куда-то дальше столичного пригорода. Первый раз, когда мы с Ангеликой сбежали из родного городка, и два раза во время учёбы, когда мы ещё пытались навещать малую родину.

В ожидании прибытия воспользовалась тем, что купе в моём одиночном распоряжении, и минут пятнадцать провела перед висящим на двери зеркалом, пытаюсь сделать что-то с волосами. Вовремя, что и говорить! Заниматься этим надо было перед отъездом, а сейчас... В последнюю квартиру было совсем не до причёски, поэтому когда-то аккуратная стрижка неровно

обросла и потеряла форму. Кроме того, волосы у меня тонкие, после мытья пушатся, а без него уже на третий день, который как раз сейчас наступил, выглядят ужасно грязными. А если прибавить беспокойную ночь, после которой они прихотливо торчали во все стороны... тихий ужас. Хорошо, меня Лика не видела!

Но, с другой стороны, меня начала беспокоить собственная причёска, а это хороший знак.

Отчаявшись в итоге изобразить что-то приличное, я бесхитростно собрала волосы в два куцых и очень воинственных хвостика, как делала всегда, занимаясь домашним хозяйством. В сочетании с прямой синей юбкой и белой блузкой выглядело убийственно. Но увы, в моём гардеробе просто нет достаточно легкомысленных вещей, с которыми такая причёска смотрелась бы более уместно: статус не позволял.

В купе первого класса проводницу можно было вызвать с помощью специального звонка, но поскольку размещалась она буквально за стенкой, я решила не дёргать человека и заглянуть к ней самостоятельно, чтобы взять кофе и задать несколько вопросов.

Кофе у проводницы, как я уже знала, имелся, причём очень неплохой, и небольшая машинка для его приготовления, работающая на огненных кристаллах, — тоже. Этот бодрящий напиток вошёл в моду в нашей части мира сравнительно недавно, уже после Разлома, когда мы начали активнее торговать с Сердцевиной. Кофе является национальным продуктом в Алом лепестке, и долгое время только там его выращивали. У нас тоже пытались, но получилось плохо. До тех пор, пока во время недавней войны деморов с венгами в наших краях не осели некоторые беженцы из Алого лепестка.

— Скажите, а в поезде случайно нет душа? — спросила я без особой надежды, ожидая, пока небольшая машинка перестанет жужжать и дышать паром.

— Не в этой жизни, — весело улыбнулась в ответ проводница. — Сама каждый раз жду не дожусь Фонта, там будет полно времени, можно сходить.

— Ой, нет, я в таком случае лучше до Клари потерплю! — поспешила я отказаться от этой идеи.

— Напрасно, там на вокзале очень приличные душевые, он же почти новый.

— Нет, не в этом дело. Я редко путешествую и очень боюсь отстать от поезда, поэтому...

— А-а, ну тогда не знаю, обрадую я вас или расстрою, но вагон будут перестёгивать без людей, — развеселилась девушка. — Так что выйти всё равно придётся.

— Но почему? — растерялась я.

— Состав товарный, положено, — проводница пожалала плечами. — Если так боитесь — пойдёмте вместе, буду рада компании, а то моя подруга поменялась на этот рейс, и я уже предвкушала прогулку в одиночестве.

— С большим удовольствием! Вряд ли поезд уедет без вас.

— Этот может! — рассмеялась собеседница. — Татина, лучше Тати.

— Тогда — Винни, — ответила я.

Запоздало испугалась и попыталась вспомнить, под каким именем тут нахожусь, и с облегчением сообразила: поменяли только фамилию, всё же имя у меня не менее распространённое, чем цвет волос.

Татина умела расположить к себе, приободрить и поднять настроение, её оптимизм легко и ненавязчиво заражал — именно то, что было мне сейчас нужно, буквально подарок Творца. В душу она не лезла и подробностями моей жизни не интересовалась, я отвечала взаимностью, и оставшиеся свободные полчаса мы, попивая кофе, болтали о вещах важных, но совершенно безобидных: одежде, уходе за волосами и прочих милых женскому сердцу мелочах.

Потом я ушла к себе в купе — в вагоне уже поднялась суета, в Фонте сходили многие, и я не стала дольше отвлекать Тати от её обязанностей. Договорились, что она всех выпустит, проверит вагон, сообщит начальнику поезда, что всё нормально, и потом зайдёт за мной.

Я в конце концов решила дожидаться её снаружи, подышать относительно свежим воздухом — за всю дорогу не выходила из поезда, малодушно уступая иррациональным страхам. Однако вскоре об этом пожалела. Фонт встретил шумом, суетой и ужасной погодой: с неба сыпался частый мелкий дождь, горсти которого швырял в лицо сильный порывистый ветер. Если в столице осенью ещё даже не пахло, то здесь она бушевала вовсю. Интересно, и в Клари такой же... курорт?

Пока ждала на перроне Татину, я успела замёрзнуть. И хотя, повинувшись наитию и паранойе, я взяла с собой достаточно тёплое пальто, от ветра оно спасало мало. А зонт так и вовсе рвался из рук невоспитанным псом, не защищая при этом от воды.

— Всё, я готова! Пойдём. А ты чего такая синяя? — искренне удивилась Тати и, подцепив меня под локоть, бодро потащила вдоль быстро опустевшей платформы.

— Холодно же! — пояснила очевидное. — Я вообще не мерзлявая, но тут...

— Погоди, ты что, без ветряка?! — ужаснулась она.

— Да как-то необходимости не было никогда...

— Тогда пойдём сначала в магазин зайдём, — решила Татина. — Как можно ехать в эти места без ветряка?! Всё равно придётся брать, а здесь точно выйдет дешевле и проще, чем в Клари.

Я не то что не стала возражать — искренне поблагодарила за идею.

В Шорре, столице, очень мягкий климат, за что я ей искренне благодарна: на мой вкус, он идеален. Нет сильных морозов зимой, нет иссушающей жары летом, переходы от сезона к сезону — плавные. Так что для защиты от непогоды вполне хватает обыкновенной одежды, нет необходимости прибегать к помощи артефактов, лёгкие чары от промокания на пальто не в счёт.

Ветряками, грелками и пузырями называли небольшие подвески вида брелоков, которые обычно нашивались на верхнюю одежду под подкладку. Полезная вещь содержала артефакт несложного плетения и кристалл-накопитель соответствующей силы и защищала от непогоды в той или иной степени. Всё, что требовалось от хозяина одежды, — менять камни по мере истощения.

Подобрать нужный ветряк нетрудно, мы потратили на это минут десять. Вот совместить несколько артефактов разного стихийного наполнения в одной вещи сложно, и первое, о чём предупредил продавец, это не использовать подвеску одновременно с другими. Но о том, чем это чревато, я и так прекрасно знала: в Шоррских судах постоянно рассматриваются дела, связанные с этим нарушением техники безопасности, и по каким только статьям не проходят разбирательства! От попыток нерадивых граждан взыскать с артефакторов компенсацию до покушений на убийство, порой успешных.

В той же лавке я аккуратно прикрепила ветряк специальной булавкой у воротника: пришить, конечно, надёжнее, но не заниматься же этим прямо сейчас! И в очередной раз отметила, как даже одна маленькая деталь способна существенно изменить настроение и отношение к жизни: с ветряком Фонт показался мне гораздо более симпатичным и дружелюбным городом.

А уж когда Тати сдала меня с рук на руки парикмахеру, настроение скакнуло на недостижимую в последние дни высоту. Я даже не вспомнила о собственном страхе отстать от поезда, когда Татина оставила меня наводить красоту и убежала по своим делам. Творец с ним, с поездом, в конце-то концов! Деньги и документы у меня при себе, а там как-нибудь доберусь.

Впрочем, Тати показала себя ответственным человеком, и ещё через час мы вдвоём сидели в привокзальном кафе, весьма довольные жизнью. Большой зал П-образной формы казался на удивление уютным — несмотря на обилие посетителей и плотно стоящие столики, здесь было достаточно тихо, негромко играла ненавязчивая музыка. Явно не обошлось без заглушающих артефактов, что приятно удивило.

Когда мы устроились за одним из круглых столиков на удобных стульях с ажурными плетёными спинками, двое мужчин за соседним некстати перешли от мирной беседы к скандалу. Я бы, может, ничего не заметила, но тот из них, что сидел к нам спиной, вдруг подскочил с места, да столь резко, что стул отлетел прямо к нам.

— Ты об этом пожалеешь! — пригрозил он хрипло и добавил пару грязных ругательств. После чего поднял стул, невнятно буркнул в нашу с Татиной сторону извинения и направился к выходу. Чёрные короткие волосы, чёрный распахнутый плащ плеснул по воздуху крыльями — мужчина показался похожим на тощего грача, правда, лица его я так и не увидела.

— У тебя есть несколько дней передумать, — бросил ему вслед собеседник. Не знаю, слышал ли уходивший, но мы, видимо, находились достаточно близко, чтобы магия не сработала.

Лицо второго, оставшегося сидеть, показалось смутно знакомым, хотя на первый взгляд не было в нём ничего запоминающегося — узкое, бледное, с прямым носом и тонкими губами, в обрамлении коротких пепельно-серых волос. Приятное, располагающее... Точнее, казавшееся таковым до того, как мужчина расплылся в улыбке. Приторная, сальная, она вызвала нестерпимое желание умыться, словно в лицо плеснули какой-то дрянью. И вот её я точно уже видела. Но где?..

— Ну надо же, как мне сегодня везёт! — протянул незнакомец, проворно поднимаясь. В фигуре тоже не было ничего примечательного — худощавая, чуть сутулая. — Легендарная Лавиния Шейс собственной персоной! Какими судьбами в этих краях? Вы же затворничаете в столице! — Он не просто подошёл, но без приглашения уселся к нашему столику.

— Не понимаю, о чём и о ком вы говорите, — как могла твёрдо и спокойно ответила ему.

Татина на незнакомца смотрела с опасливым любопытством, однако, опередив меня, коснулась маленькой хрустальной пирамидки в центре стола. Из той вылетел голубоватый светлячок, до сих пор медленно плававший внутри стекла, и устремился прочь, за официантом.

— Ну брось, Винни, тебя любой шоррский житель в лицо знает, — фамильярно подмигнул мужчина. — Так какими судьбами здесь, в этой глуши, такой славный улов?

— Вы сумасшедший. Или вы сейчас же уйдёте, или вас уведут, — продолжила я в том же тоне, не позволяя себе ввязаться в разговор.

— Напрасно ты так, с прессой дружить надо, — и опять эта тошнотворная улыбочка.

— Добрый день, вы определились с заказом? — возник рядом официант.

— Нет пока, нам не дают, — обратилась к нему Тати с вежливой улыбкой. — Вот это мужчина к нам пристаёт, вы не могли бы позвать охрану?

— Вот так, значит? — усмехнулся так и оставшийся безмянным тип. — Напрасно, госпожа Шейс, напрасно, — с угрозой в голосе добавил он и опять поднялся. — У меня пока есть дельце поинтересней, но и о тебе я не забуду. Руки убери! — буркнул он официанту. Бросил несколько купюр на столик, за которым до этого сидел, и направился к выходу.

— Какой неприятный тип, — сообщила Татина, когда официант всё-таки принял заказ. — Ты его знаешь? Что ему от тебя было нужно?

— Понятия не имею, кто это, — ответила искренне и уже гораздо менее честно добавила: — И он явно меня с кем-то перепутал, моя фамилия Ракс. Хотя совпадение, конечно, забавное...

— Ну в таком случае мне жаль твою тёзку, очень противный хмырь, — хмыкнула Тати. Поверила или нет — не понятно, но настаивать на другой версии не стала. — Интересно, чем она так знаменита?

Я только развела в ответ руками, и собеседница, к счастью, оставила эту тему и переключилась на менее щекотливые.

И я наконец узнала, откуда взялся такой странный вагон от столицы до Клари. От Фонта к побережью ходили и другие составы, но там были в основном сидячие места — ехать недалеко, стоит гораздо дешевле.

Дело оказалось в одном богатом промышленнике. Он занимался переработкой рыбы, владел несколькими заводами и имел в Фонте и всей здешней области большое влияние. Этот господин опасался автомобилей, но очень любил железную дорогу — наверное, не наигрался в детстве, как смеялась Татина, — и все свои поездки старался совершать именно на поездах. В Клари располагался один из его заводов, а в стороне от города у промышленника имелся большой особняк, где хозяин любил отдыхать. А автомобильная дорога туда шла всего одна, довольно опасная, часть которой пролегла по весьма крутому серпантину.

В общем, ничего удивительного, что в Клари этот тип предпочитал добираться поездом. Раньше вагон тоже ходил, по тому же расписанию, но — обычный, третьего класса. Промышленник же оплатил замену, и ещё регулярно доплачивал, чтобы первый класс придерживали за ним до последнего, так что убытков железная дорога не несла.

— Очень приятный мужчина, забавный, — с улыбкой поделилась Татина, которая в этом вагоне каталась уже второй год и имела возможность познакомиться. — Шутит всегда, и совсем не заносчивый. Но теперь его, наверное, долго не будет, до самой зимы: он терпеть не может местную осень.

— А ты вообще хорошо знаешь Клари?

— Нет, откуда! Да и зачем? Поезд приходит туда глубокой ночью, а в полдень уже обратно. Честно говоря, там вообще делать нечего, не представляю, зачем тебя туда вообще понесло.

— Мне сказали, это прекрасное место для отдыха, — с сомнением ответила ей. — Хотя мне эта идея чем дальше, тем меньше нравится.

— А почему нельзя было отдохнуть где-нибудь на курорте? Прости, но ты совсем не похожа на любительницу тихой деревенской жизни, — хихикнула она.

— Врач сказал — нужно тихое место, — призналась я.

Речь об этом раньше не заходила, да и не стала бы я раньше поддерживать эту тему. Но после столкновения с незнакомцем чувствовала себя немного виноватой перед Татиной. А ещё я достаточно к ней привыкла и не испытывала уже протеста против разговора по душам.

— Врач? — озадачилась собеседница.

— Менталист, — поделилась чуть смущённо. Эту часть моей временной биографии мы с Маргом согласовали, поэтому наговорить лишнего я не боялась. — Рекомендовал тишину, покой и перемену места.

— Но зачем сюда-то? — ещё больше растерялась она. — Уж лучше тёплое море и интересные мужчины!

— Вот как раз чтобы без последнего, — вяло улыбнулась ей. — Я... в общем, сложное расставание с бывшим, и...

— Ой, извини! — опомнилась Тати. — Тогда конечно. Мне тоже после Брайла тошно было на мужиков смотреть, казалось, что они все такие же сволочи. И тут твой доктор прав, Клари, наверное, подойдёт лучше всего!

Одна из извечных женских тем на удивление подняла настроение и ещё больше нас сблизил. Татина искренне пожаловалась на своего бывшего, я — почти честно — на своего, и это взбодрило не хуже сеанса у менталиста. В конце концов к поезду мы возвращались довольные жизнью и друг другом, и я даже не поглядывала нервно на часы, боясь опоздать. Да я вообще об этом собственном страхе забыла!

Свой вагон Тати нашла без труда. Он стоял в самом конце длиннющего грузового состава где-то на задворках вокзала, просто посреди пути без платформы рядом, и мне с трудом вери-

лось, что вот точно так же в этот самый вагон садится один из богатейших людей этого края лепестка. Но повода не верить Тати не было.

У вагона уже собралась небольшая кучка пассажиров, стремящихся попасть внутрь и укрыться от моросящего дождя. Оставив меня с будущими попутчиками, Татина умчалась куда-то вперёд, вдоль состава. Несколько ожидающих проводили её тоскливыми, полными надежды взглядами, но окликать не стали.

Между собой пассажиры не разговаривали, погода не располагала. Как мокрые воробьи, все нахохлились под куполами зонтов, и даже обладание защитными артефактами людей не бодрило. Опознать, кто из них что предпочитал, было нетрудно: чью-то одежду, как и мою, ветер не трепал безжалостно, а ласково и едва ощутимо поглаживал, у кого-то подол длинной светлой юбки не отяжелел от воды и не потемнел от грязи, кто-то стоял к ветру спиной в расстёгнутом, небрежно наброшенном на плечи пальто, не боясь холода.

Хорошая вещь — артефакты. Наверное, если бы не они, уроженцы нашего лепестка могли бы обижаться на Творца и считать себя обделёнными. Магия облегчает жизнь всем остальным обитателям мира, а нам... Ментальная магия и некромантия слишком узко специализированы и слишком сложно их назвать даром, потому что куда чаще они оказываются ближе к проклятью.

Но у нейтралов есть одно преимущество: лишённые собственной магии, только мы способны создавать сложные артефакты. Маг просто не в состоянии так тонко сплести нити чар в предмете, его собственная сила будет создавать помехи. Так что наш лепесток в итоге здорово отличается от всех остальных: там артефакты — экзотичная диковинка, а у нас — необходимая часть жизни.

Раньше с ними была только одна сложность: заряжать магией накопители могли только некроманты, помещая туда диких духов. Подобные вещицы довольно капризны в обращении и требуют сложных преобразователей для использования в быту. Но теперь, когда налажена торговля с Сердцевинной и универсалами из Зелёного лепестка, такой проблемы нет, накопителей много и стоят они сравнительно недорого: для их наполнения не нужна собственная сила мага, в кристаллы идёт та, что рассеяна в пространстве.

Иногда кажется, что из меня мог получиться очень хороший артефактор. Эта работа требует аккуратности и внимания, почти как моя собственная. Правда, нужна ещё математика, а её я не могу назвать любимой наукой, но... интересно всё же, как сложилась бы моя жизнь, если бы без малого двадцать лет назад я выбрала другой путь?

Полусонные размышления о смысле жизни прервало возвращение Татины, она завози-лась возле вагонной двери, громыхая железом. Пара мужчин тут же вызвалась помочь, и отка-зываться Тати не стала, так что уже через десяток секунд дверь гостеприимно распахнулась — где-то высоко вверху, над неудобной железной лестницей.

Всё же я очень не люблю путешествовать.

Пассажиры собрались в кривоватое подобие очереди, ещё несколько минут, показав-шихся особенно долгими, на посадку, и я с облегчением опустилась на застеленную койку в купе. Чувствовала себя в этот момент так, словно вернулась домой после долгого, сложного пути. Неожиданное ощущение, забавное; как быстро человек ко всему привыкает.

Я устроилась на своей койке с книжкой в намерении скоротать так ближайшие часы. От Фонта до Клари недалеко, и обычные пассажирские составы преодолевают его за три-четыре часа, но наш поезд тяжёлый, гружёный, поэтому ползти это расстояние он собирался почти шесть часов. Как объясняла Тати, всё дело в извилистом и сложном пути, по которому состав тащился весьма неспешно. Сейчас вдоль побережья строилась новая железная дорога, прямая и более скоростная, но проехать по ней удастся в лучшем случае через пяток лет.

Поезд тронулся тяжело, медленно, натужно. Наш, самый последний, вагон дёрнуло, под полом низко и угрожающе лязгнуло, но на этом всё успокоилось. Потом грохнула входная дверь, что заставило меня отвлечься от книги... и мысленно выругаться.

— А это становится всё интересней! — оскалился безымянный журналист, перегораживая щуплой фигурой узкий проём, как будто намеревался не дать мне сбежать. — И что же ты забыла в Клари?

— Опять вы? — бросила я раздражённо. Подниматься не стала — слишком много чести, да и он всё равно выше. — И не хамить вы, как я понимаю, не умеете? — спросила задумчиво.

— Ха! Ну точно, собственной персоной, — журналист бросил небольшой саквояж на соседнюю койку, плюхнулся рядом с ним. — Да я с тобой вообще могу не говорить! Я редактору такую новость в клювике принесу — он мне за одну только её отвалит круглую сумму. Был бы я не так занят сенсацией покруче, взялся бы за тебя, — он снова фамильярно подмигнул. — Так всё-таки что ты забыла в Клари? Ставлю на любовника! С которым вы лихо натянули нос всей Шорре. А? Честная судья, да ещё баба... Пф-ф! Так я и поверил! Ну признайся, как ты их всех надула? Я никому не скажу!

Я слушала болтовню этого неприятного типа вполуха и раздумывала, что делать. Конечно, выслушивать его всё оставшееся время пути я не собиралась, но с ходу придумать, чем заткнуть, не могла. Всегда завидовала людям, которые способны найти остроумный ответ на какую-нибудь гадость сразу, по горячим следам, потому что сама обычно терялась. Вот как сейчас. Вроде и не задевает, понятно же, что человек дрянь, и странно было бы принимать близко к сердцу его болтовню, но всё равно... Неприятно горячо в затылке, ком в горле, колокольё в пальцах, и сердце стучит как-то нервно, дёргано, как будто происходит нечто важное, серьёзное.

А ещё нужно будет, как приедем в Клари, сразу же связаться с Маргом и сообщить, что план его благополучно рухнул. Принесла же нелёгкая сюда этого проныру...

Но от поиска если не изящного, то хотя бы достойного выхода из положения меня спасла Татина. Разглагольствования так до сих пор и не назвавшегося соседа прервал стук в дверь, проводница заглянула внутрь.

— Госпожа Ракс, можно вас на пару слов?

— Да, конечно! — заверила я её и принялась обуваться. Подхватила сумку...

— Сбегаешь? — ухмыльнулся сосед. — Далекое всё равно не убежишь, Клари-то маленький!

— Просто не хочу оставлять без присмотра деньги, — ответила я. И вышла, очень довольная собой и своим быстрым и, кажется, вполне уместным ответом.

— Извини, я не успела тебя предупредить, — Тати кивнула на дверь. — Чего он к тебе прицепился?!

— Ещё бы я знала! А больше свободных мест нет?

— Нет, что ты, тут никогда мест не бывает. Пойдём лучше ко мне, не так уж долго ехать.

Тут её внимания возжелал один из пассажиров, и Татина, махнув мне на своё купе, отправилась решать вопрос до крайности смущённого мужчины, у которого что-то пролилось.

Вернулась она минут через двадцать, слегка взъерошенная и взмыленная, но вроде бы бодрая. И тут же принялась возиться с чаем и кофе — для пассажиров, для меня и для себя.

— А ты не боишься оставлять с этим типом вещи? — полюбопытствовала она. Я в ответ продемонстрировала прихваченную сумку.

— Всё ценное вот, а там только одежда и книги. Главное, чтобы он не решил отыгаться на тебе за мой побег!

— Ну... Как-нибудь справлюсь, — оптимистично отмахнулась она. — Не он первый, не он последний. Пассажиры разные попадаются.

Однако третировать проводницу журналист не стал. Через полчаса затребовал себе чай, ещё через пол — стакан воды и угомонился. Даже, как сказала сама Татина, не пытался ничего у неё вызнать про меня, и вообще был погружён в какую-то толстенную книжку.

Так я и провела остаток пути в купе у Тати. Мы болтали, когда она куда-то убегала — я читала роман, который машинально сунула в сумку.

Многие мои коллеги не любят детективы — мол, и в жизни хватает. А мне они, наоборот, очень нравятся, гораздо больше, чем жизненные истории. Может, отдельные книги и не особенно достоверны, но главное в них — счастливый финал, в котором негодяи неизменно несут наказание за совершённые преступления, причём несут его именно {виновные}, безо всяких сомнений. А если замешана ещё и любовь, то оторваться от такой истории мне особенно трудно.

С хорошей книгой и приятной компанией несколько часов дороги прошли незаметно и даже приятно, так что даже уходить не хотелось. Но когда до станции оставалось меньше четверти часа, я решила вернуться в купе — собрать вещи и вообще подготовиться к выходу.

В купе оказалось темно, а свет из коридора отчеркнул только белый край левой койки. Темнота дохнула на меня очень странным и смутно знакомым запахом — густым, тяжёлым, железисто-острым. Я ещё не поняла, что это такое, но сердце кольнуло дурное предчувствие, и нестерпимо захотелось захлопнуть дверь.

Ругая себя за этот необъяснимый страх, но не имея при этом сил переступить порог, я нашарила сбоку от двери выключатель. Холодный голубоватый свет плеснул по стенам.

Несколько секунд я, не шевелясь, разглядывала представшую картину, просто не понимая, что именно вижу. Тёмные пятна. Неправильные силуэты. Острые, колкие тени. Стук в ушах — не то колёса поезда, не то кровь.

Судорожно вздохнув, я захлопнула дверь и привалилась к ней спиной, зажав ладонью рот. К горлу подступила тошнота, перед глазами заплясали тёмные мушки.

Всё-таки снимки с мест происшествия не отражают и десятой доли того, что видят глаза очевидцев...

— Милая девушка, что с вами? — кто-то подхватил меня за локоть. Я с трудом сфокусировала взгляд на пожилом мужчине в стильном зелёном пиджаке. — Вам нехорошо?

Я только кивнула, потому что говорить пока не могла. Но когда участливый попутчик потянулся к двери, явно намереваясь завести меня в купе, мгновенно опомнилась. Накрыла его ладонь на ручке двери, сжала — подозреваю, от нервов слишком крепко, судорожно.

— Не открывайте. Не надо. Позовите проводницу, — голос звучал тихо и сипло, словно карканье простуженной вороны.

— Но вам нужно присесть! — попытался возвать к моему разуму мужчина. Однако силу, к счастью, применять не стал.

— Нужно, — покладисто кивнула я и закричала как могла громко: — Татина! Тати!

Мужчина от неожиданности шарахнулся, а проводница выглянула из своего купе.

— Что?.. Винни, ты чего? — встревожилась она, подошла. — Да ты белая совсем! Что случилось?!

— Ты можешь связаться... — я осеклась, но так и не придумала, — с кем-нибудь? Здесь есть охрана? Начальник поезда?..

— Связаться могу, но толку! Состав-то грузовой, не дойдёт сюда начальник. Винни, что произошло?

— Этот, — я кивнула на дверь. — Сосед. Он... он убит.

— Творец! Винни, да что за глупости? Откуда ты знаешь? Может, он просто спит! — Татина решительно схватила меня за плечи и отодвинула от двери.

— Тати, не надо туда заглядывать, это...

— Брось! — одёрнула она меня. Строго зыркнула на пассажира, который продолжал машинально держаться за ручку — тот поспешно отдёрнул ладонь.

— Тати, это... плохая идея, — договаривала я, когда проводница уже распахнула дверь.

Любопытный пассажир заглянул через её плечо — и, испуганно охнув, отпрянул. Татина на глазах позеленела, зажала обеими руками рот. Воспользовавшись тем, что она больше не держит дверь, я опять её закрыла. Стук заставил Тати дёрнуться всем телом — и очнуться. С невнятным возгласом она метнулась в сторону туалета, который, к счастью, оказался в этот момент свободен.

— Творец! Да что там случилось? — пробормотал побледневший мужчина.

— Не знаю, но... вы из Клари? Там найдётся хоть один приличный полицейский?

— Что? — растерянно переспросил он. Потом встряхнулся и, опомнившись, всё-таки ответил: — Да, конечно! Полиция! Местный шериф, Адриан Блак, весьма разумный мужчина... Но надо же сообщить!

— Надо, — согласилась я. — А вы?..

— О, простите, я не представился! Зенор Донт, я аптекарь из Клари.

— Лавиния. Я еду туда в отпуск, только вот... что-то он, похоже, не задался, — я нервно усмехнулась и кивнула на дверь.

Наше знакомство прервало появление Татины — бледной, с лихорадочно блестящими глазами и облепившими лицо волосами, мокрыми от небрежного умывания.

— Творец... — пробормотала она. — Почему я тебя не послушала?! Я же теперь спать не смогу...

— Тати, надо сообщить машинисту, начальнику поезда, кто тут ещё есть? — напомнила я. — Пусть он вызовет полицию. И до её прибытия, наверное, никого нельзя выпускать из вагона. Да! А ты можешь закрыть это купе?

— Да, точно, — заторможенно кивнула она. Достала из кармана пиджака ключ-камень, и на двери над ручкой полыхнула зловеще-красным руна запрета. Потом проводница шагнула в своё купе, а аптекарь опять обратился ко мне.

— А у вас крепкие нервы, Лавиния. Вы, случайно, не следователь?

— Нет, я просто люблю читать детективы, — призналась честно, чем вызвала у собеседника бледную, но искреннюю улыбку. — А нервы... Я выросла на ферме, где разводили скот.

Вот почему запах в купе показался знакомым. Так пахло на бойне — там, где разделявали туши. Запах свежей, обильно пролитой крови.

От такого сравнения меня саму передёрнуло и опять замутило. Спину словно огладило сквозняком, и я обхватила себя руками за плечи. Перед глазами в красках встало распостёртое на койке, частично сползшее с неё тело с красно-бурым месивом на месте живота и горла. Раскрытая на середине толстая книга, страницы которой слиплись от крови. Мутные стёклышки мёртвых глаз.

Творец! Не представляю, кто и как мог с ним это сделать. Да ещё так тихо, что мы с Татиной за тонкой стенкой не услышали ни звука...

— Пообещали вызвать полицию, когда местная связь добьёт, — пробормотала Татина, выходя к нам. Она мелко дрожала и тоже, как я, обнимала себя за плечи. — Десять лет на железной дороге работаю, пять лет училась. Я, конечно, всякие байки слышала, но чтобы вот такое на самом деле... — Тати передёрнула плечами, опять прижала ладонь к губам.

— Так. Девушки, давайте не будем стоять в проходе, — взял себя в руки аптекарь. Приобнял нас обеих за плечи, мягко подтолкнул к двери в купе проводника.

Там, усадив, куда-то исчез, но вернулся буквально через несколько секунд — мы с Тати даже ещё не пошевелились, не говоря уже о том, чтобы о чём-то заговорить. Татина вообще, кажется, оставалась на грани обморока, я... Хоть и чувствовала себя лучше, но всё равно не представляла, как быть дальше.

Нет, теорию-то я помнила прекрасно. Осмотр места происшествия, необходимые экспертизы, опрос свидетелей, обыски... Но связать с реальностью вот эту стройную и понятную схему, пестрящую ссылками на заученные без малого наизусть законы и акты, никак не выходило. Я слишком привыкла смотреть на них с другой стороны. Да и... Даже если бы я сообразила именно сейчас, с чего надо начать, всё равно не имела права действовать: это не моя работа, я не могу в неё лезть.

Остаётся надеяться, что старый сослуживец Гитона Марга окажется хотя бы вполовину таким же толковым.

Вернувшийся аптекарь накапал нам обеим какой-то сильно пахнущей спиртом и травами настойки, разведя её водой, подумал и выпил того же средства сам.

Ночь обещала быть долгой.

Глава третья, в которой разбиваются надежды

— Я всё понимаю, но придётся подождать приезда полиции! — в который раз пыталась утихомирить возмущённых пассажиров Татина. Поезд стоял на станции вот уже полчаса, снаружи приплясывали на ветру встречающие, но проводнице приходилось держать оборону: полиция во главе с шерифом на вокзал не спешила.

Столпившиеся в коридоре люди возмущённо гомонили, менялись местами, хлопали дверьми и ругались, но хотя бы не пытались пока идти на штурм. Только попытки Тати успокоить их чаем и аптекарской настойкой ни к чему не приводили. Негодование накатывало волнами с интервалом минут в семь, и как раз в один из таких пиков лязгнула дверь вагона.

Люди загомонили громче, а потом порядок в одно мгновение навёл громоподобный бас: — А ну заткнулись все!

Тишина повисла звонкая, нервная. Грохнули шаги, и в проёме купе проводника, где сидели мы с аптекарем, возникло... Судя по криво сидящей и грязной тёмно-зелёной форме, оно было местным шерифом. И я мысленно послала пару проклятий Маргу, который уверял меня в дружелюбии этого... существа.

Адриан Блак напоминал медведя. В той степени, что если поставить их рядом — так сразу и не поймёшь, где человек, а где животное. Был бы он не некромантом, а уроженцем Зелёного лепестка, и я бы поставила свою зарплату за квартиру на то, какую бы он имел вторую ипостась.

Высокий, широкий — в узкий коридор вагона он помещался только боком; казался грузным, но я почти не сомневалась, что впечатление это, как и с медведем, обманчивое. Нечёсаные взъерошенные волосы имели неопределённый буро-серый цвет, и я вот так сразу не могла определить, где там заканчивается естественный цвет и начинается вода и... кажется, тоже грязь? Да и морда... то есть, конечно, лицо, но всё-таки больше морда, местного шерифа вполне соответствовала общему впечатлению: помятая, небритая, с резкими скулами и тяжёлым подбородком, глубоко посаженными тёмными глазами под густыми бровями.

Я надеюсь, всему этому есть какое-то внятное объяснение. Потому что с первого взгляда казалось, что Блак беспробудно пил где-то в подворотне, где его разыскали и притащили сюда. Я даже принюхалась, пытаюсь — и одновременно страшась — уловить густой дух перегара. Но то ли стоял он далеко, то ли...

В повисшей тишине шериф обвёл нас с аптекарем, сидевших в купе проводницы, тяжёлым взглядом совершенно больных глаз с отчётливой сеткой полопавшихся сосудов. Я встала, непроизвольно расправив плечи и выпрямив спину — с таким человеком трястись точно не следует.

Неужели он правда пьяный? Или с похмелья?.. Пьющий боевой некромант — это... Помогите нам всем Творец!

Но ни я, ни аптекарь его пока не заинтересовали.

— Что тут? — обратился шериф, кажется, к Тати, стоявшей чуть дальше по коридору.

— Труп, — сдавленно пискнула она, откашлялась и продолжила: — Один из пассажиров, он... Вот, в общем, он тут.

— Адриан, да что происходит? — послышался сварливый старческий голос с капризными нотками. — Сколько можно нас тут держать?!

— Сколько нужно, — огрызнулся тот. — Госпожа Дхур, займите своё место. И все остальные — тоже.

Послушались его беспрекословно и безропотно — то ли уважали, то ли боялись.

Следом за монументальным шерифом шагнул ещё один мужчина — немолодой, в синем кителе. Наверное, тот самый машинист или начальник поезда. Я не утерпела, выглянула в коридор.

С лязгом открылась дверь купе первого класса. Несколько секунд шериф стоял на пороге, хмурясь и кривя губы — не то брезгливо, не то досадливо. Шагнул внутрь. За ним качнулся машинист — но тут же отшатнулся и благоразумно отступил назад, к Татине, тоже недовольно морщась.

Блак вышел из купе, грохнул за собой дверь. Бросил взгляд вдоль коридора, в который высовывались любопытные лица пассажиров. Обернулся в нашу сторону, встретился взглядом со мной. Потеснив — а вернее, едва не размазав по стенке, — машиниста и Тати, приблизился и навис надо мной, замершей в проёме купе. Принюхался — буквально, я видела, как трепещут крылья широкого, кривоватого носа.

Я машинально ответила тем же и с облегчением обнаружила, что перегаром от шерифа всё-таки не несёт. Только потом, сыростью и, кажется, гарью — тоже сногшибательный дух, но гораздо менее пугающий.

— Кто такая? — спросил, хмурясь.

— Здравствуйте, — проявила я вежливость. — Лавиния Ракс, я соседка погибшего по купе. И нашла его, собственно, тоже я.

— Нашла, говоришь? — пробормотал шериф, окинул меня ещё одним тяжёлым, враждебным взглядом. Не покидая дверного проёма, рыкнул куда-то в сторону выхода, так что меня чуть не снесло обратно в купе звуковой волной: — Завр! Ко мне!

Через пару мгновений загрохотали тяжёлые, подкованные ботинки.

— Капитан? — Загадочного Завра я не видела, но очень ярко представила, как он вытянулся перед шерифом по стойке смирно.

— Выпускать по одному. Местных переписать, обыскать, снять отпечатки аур. Всех чужих — в участок, утром разберёмся. Выходить по одному! — рявкнул он в глубь вагона. — Личные вещи оставлять на местах. Вплоть до документов и вставных челюстей!

Пассажиры вяло взроптали, на что шериф возразил резким:

— Кого что-то не устраивает — законсервирую вместе с вагоном.

— Стойте, в какой участок?! — опомнилась я наконец. — На каком основании?!

— Как подозреваемых и возможных соучастников. — Блак опять повернулся ко мне. Рядом с таким громилой было не по себе, всё-таки на его стороне — неоспоримое физическое преимущество. Но...

— Да вы даже не спросили, что произошло! Кто дал вам право нас в чём-то обвинять?!

— Мне хватает того, что здесь мертвечиной разит на весь вагон! — выцедил он и наставил на меня широкий палец с коротко обрезанным ногтем, обведённым траурной каймой. — И от тебя тоже пахнет!

— На себя посмотрите! — возмутилась я. — Вы обязаны осмотреть место происшествия, произвести...

— Умная? — оборвал шериф, отступая в сторону и освобождая дорогу долговязому черноволосому мужчине в сержантской форме. — Вот ты мне это всё в письменном виде и изложишь. В изоляторе. Завр, разговорчивую — в одиночку! Выдать бумагу и карандаш, чтобы не скучала. Ты давай за ней, — обратился он, кажется, к Тати, потом обернулся к коридору. — Кто там ещё из чужих есть?

— Да вы!.. — выдохнула я, не находя от возмущения слов.

— Пойдёмте, — Завр шагнул ближе и протянул мне руку. — Не надо, не обостряйте, — добавил тише и мягче, пока шериф рокотал остальным пассажирам про правила покидания вагона. — Переночуете в участке, у нас там тепло и чисто. — Глядел он просительно, выразительно изогнув брови. Лицо у сержанта было открытым, приятным, мимика — живой,

а взгляд — как у старой служебной собаки, умный и бесконечно печальный. Невольно вспомнился менталист, вызывавший похожие ассоциации. — С капитана станется вас отнести, оно вам надо? — добавил совсем уж тихо, чтобы громогласное начальство не слышало.

— Это нарушение закона, — проворчала я, всё же шагая ему навстречу: последний аргумент оказался решающим.

Но Гитону Маргу я этого хорошего, надёжного сослуживца припомню. Попросит он у меня разрешение на обыск задним числом, да ещё побыстрее... Приеду в столицу — я ему такую весёлую жизнь устрою, он у меня в бумажках захлебнётся. Да я только ради этого вернусь к своей прежней работе, несмотря на все опасения!

Если, конечно, выйду из местного участка живой.

Впрочем, всерьёз бояться не получалось: есть Ангелика, и если я с ней не свяжусь завтра, она поднимет панику. А даже если бы её не было... Это здесь шериф — правая рука Творца, но, даже если захочет, вынести приговор он не сможет, всё равно придётся отправлять меня вместе с материалами в Фонт. А уж там вряд ли кто-то позволит себе нечто подобное.

— Сумку! — лапа Блака перегородила коридор.

На пару секунд я замерла в растерянности, не понимая, чего ещё он от меня хочет, но потом сообразила: я продолжала нервно цепляться за ручку сумки, которую не выпускала из рук с того самого момента, как попыталась с ней вместе вернуться в купе. Рефлекс, надо же...

Я молча сунула имущество шерифу, и тот освободил проход.

А снаружи меня встретил ветер. Он пах остро и солоно, непривычно, странно — и хлестал почище розог. Судорожно всхлипнув, я обхватила себя руками за плечи в попытке согреться: тонкая блузка — плохая защита от такого мокрого шквала.

Возле вагона ждало ещё двое полицейских младших чинов, один держал в руках аураграф — артефакт для фиксации отпечатка внешних слоёв ауры. Ну хоть что-то у них тут организовано нормально!

Я без лишних уговоров сунула дрожащую руку в небольшой чёрный ящичек. Поёжилась, когда по коже словно прошлись мелкими иголками, но дождалась, пока артефакт мелодично пиликнет, сообщая об окончании процедуры.

— Часто приходится сдавать? — Завр кивнул на коробочку, когда её хозяин разрешил мне убрать руку.

— Нет, — отозвалась я. — Послушайте, а мы можем уже пойти в этот ваш участок? Если я тут ещё и простужусь, то засужу вашего начальника к демонам!

Ну вот, я знаю Блака всего несколько минут, а его общество уже дурно влияет. Не припомню за собой раньше привычки грозить кому-то судом. Наверное, это какой-то внутренний протест против произвола шерифа: лёгкость и небрежность, с которой он нарушал все мыслимые законы и правила, вызывала оторопь и... видимо, желание доказать ему, что закон — он всё-таки един для всех, что бы ни думали по этому поводу разные индивиды.

— Извините, я... — растерянно пробормотал Завр, беспомощно огляделся. — Ладно, только давайте быстрее. Я сейчас вернусь, прикрой, — бросил он третьему полицейскому. Тот понимающе кивнул. — Пойдёмте.

— Руки! — буркнула я возмущённо, стряхнув с локтя крепкие пальцы мужчины. — Я вроде бы пока только задержана, а не арестована, и вроде бы не сопротивляюсь.

— Извините, — повторил Завр виновато и руки больше распускать не стал.

К счастью, далеко идти не пришлось, полицейский фургон ждал возле самых путей, понадобилось только обойти вагон и преодолеть несколько десятков метров через разьезды. Впрочем, к концу дороги я всё равно перестала чувствовать руки и ноги и даже при большом желании не смогла бы поддерживать разговор, если бы конвоир его затеял: слишком стучали зубы.

Транспорт, к моему облегчению, оказался не мрачной клеткой для перевозки заключённых, а обычным, пассажирским — ещё не автобус, но уже не классический фургон. В квадрат-

ном кузове — два ряда сидений вдоль стен, пространство посередине занято парой намертво прикрученных прямо к полу ящичков непонятного назначения — небольших и, кажется, жестяных. В какой-нибудь из них я бы, пожалуй, поместилась, если ужаться. Очень надеюсь, что они не арестованных в этих банках перевозят...

Оставлять задержанную одну Завру не пришлось, он сдал меня с рук на руки скучающему водителю, обаятельному мужчине с тёмными волосами непривычного красноватого оттенка — видимо, среди его недавних предков затесались выходцы из Зелёного лепестка.

— Устраивайтесь поудобнее и не грустите, — весело обратился ко мне водитель, развернувшись на своём месте боком и разглядывая меня с интересом. Я только и смогла, что отрывисто кивнуть в ответ. Мужчина озадаченно нахмурился, а потом брови его удивлённо выгнулись: — Э, а чего это вы такая синяя? Замёрзли, что ли?

На мой новый отрывистый кивок водитель отреагировал ещё большим удивлением, а когда я передёрнулась от прокатившейся по телу крупной, сильной дрожи, мужчина опомнился.

— Э-нет, так не пойдёт. Сейчас, где-то у меня тут было...

Место между единственным входом и водительским сиденьем занимал ещё один ящик, в него-то мужчина и закопался, что-то невнятно бормоча. Наконец, на свет он извлёк толстую промасленную тряпку, оказавшуюся при ближайшем рассмотрении курткой. Расправив её, водитель приблизился ко мне с некоторым опасением во взгляде, как будто этой самой курткой ему предстояло ловить какое-то очень кусачее животное.

— Только она не очень чистая, но больше ничего нет... Надо?

Я опять отрывисто кивнула. Да плевать уже на блузку! Здоровье дороже, а так до воспаления лёгких недалеко...

Мои плечи в толстую, тяжёлую, пахнущую смазкой робу водитель укутал сам — заботливо, отечески. Обернул, поправил... Я прикрыла глаза, пытаюсь дышать неглубоко и одновременно зарыться в куртку глицеже — да, пахла она резко и неприятно, но была {тёплой}. Причём тёплой в прямом смысле — кажется, где-то под этим ящичком располагалось горячее сердце автомобиля, которое неплохо её подогрело.

Окинув меня задумчивым взглядом, водитель вдруг радостно просиял и раздосадованно хлопнул себя ладонью по лбу, после чего опять зарылся в свой ящик. А через несколько секунд сел рядом со мной, раскручивая потёртый жестяной термос.

Кажется, я уже люблю этого человека...

Обжигающе-горячую крышку-кружку водителю пришлось вкладывать в мою руку почти силком. Сначала разжать судорожно стиснутые пальцы, потом — пристроить трясущуюся ладонь на гладком бортике. Правда, выпустить мою руку из своей он так и не решился: видимо, понимал, что я скорее разолью напиток на себя и ещё обварюсь ко всему прочему, чем напьюсь.

— Э! И точно — ледышка, — хмыкнул он, выпростал из-под куртки вторую мою ладонь, сжал своей свободной. Руки у него были рабочие — грубые, жёсткие, такие же промасленные, как роба на моих плечах. Но восхитительно горячие. Нет, определённо, я уже его люблю! — Что там стряслось-то такое?

— Труп, — лаконично выдохнула я. Меня всё ещё трясло, так что строить длинные фразы пока даже не пыталась.

— Эге! — неопределённо присвистнул мужчина. — Да вы пейте, пейте чай, простудитесь ещё! Что вы в таком виде выскочили? Не лето же...

Я с шумом отхлебнула восхитительно горячей и изумительно сладкой жидкости, не чувствуя другого вкуса, кроме сахара.

— Меня ваш ше... риф не спрашивал, — поведение Адриана Блака настолько возмутило, что я даже сумела выпалить всё это на одном дыхании, всего единожды запнувшись в середине.

— С ним бывает. — Улыбка у мужчины оказалась замечательной — лучистой, искренней. Я даже непроизвольно растянула дрожащие губы в ответной.

— Он всегда такой?

— Какой? — уточнил водитель.

— Громкий и грубый.

— Да нет, что вы! — заступился он за своего начальника. — Адриан хороший мужик и шериф хороший. Просто третьи сутки уже на ногах, а ему не спать вредно.

— Это всем вредно, — проворчала я, потихоньку оттаивая. Во всех смыслах.

— Это да. Но ему совсем вредно. Некроманты... — водитель недвусмысленно покрутил пальцем у виска, я согласно хмыкнула. — Я, кстати, Владимир, можно Влад.

— Вы из Зелёного лепестка... Владимир? — спросила, пробуя на вкус непривычное имя.

— Ну да, — улыбнулся он.

— Как же вас сюда занесло? — пробормотала я задумчиво. — Лавиния. Можно Винни.

В странных вещах проявляется у меня перемена места и обстоятельств. Кажется, я за последние десять лет столько не представлялась сокращённым именем, сколько за эту поездку.

Впрочем, за все эти годы я и с людьми столько не знакомилась в неформальной обстановке, всё больше на работе...

— Так получилось, — со смешком отмахнулся мужчина. — Родители переехали по работе, отец у меня целитель. Ну а я потом тоже вот прижился... Встречный вопрос: а как в эту глушь занесло такую женщину, как вы?

— Какую? — совершенно искренне растерялась я.

— Роскошную, — широко улыбнулся он.

— Грубая лесть, но всё равно приятно, — не удержалась от ответной улыбки. — Вообще-то я ехала отдохнуть в тихом, спокойном месте, по рекомендации одного знакомого. Но что-то пошло не так, — я бросила выразительный взгляд на окно, об которое ветер разбивал крупные дождевые капли, и поёжилась. Бедные остальные пассажиры, сколько их там мурьжить будут?

— Эй, ладно, отдохнёте ещё! — жизнерадостно заверил он. — Тут красиво. Правда, погода сейчас... Но это ненадолго. А чего вас капитан сюда погнал-то? Неужели подозревает?

— Понятия не имею, — напоминание об этом человеке заставило неодобрительно поморщиться. — Он даже спрашивать ничего не стал и смотреть что-то — тоже, всех выгнал. И всех приезжих отправил в изолятор, так что скоро ещё придут жертвы его произвола. А ещё он грозился всех вместе с вагоном законсервировать. Что это значило?

— Э! Ну да, оно и понятно... — задумчиво протянул Владимир.

— Понятно что?

— Так Вит, ну доктор наш, грозился убить любого, кто его до утра тронет. Может, как врач, он, если вдруг роды или что ещё срочное, и пойдёт навстречу, то труп смотреть...

— И что?

— Ну капитан — он очень сильный некромант. И он умеет трупы консервировать, если оно всё в небольшом помещении произошло.

— Консервировать?.. — тупо переспросила я, после чего наконец сообразила: — Погодите, то есть изолировать от потока?

— Э... наверное. Я не очень в этом понимаю.

Ну, Марг! Ну, удружил!

Сырая магия — это поток, в каждом лепестке он свой. Сквозь Зелёный идёт поток смешанной, разнородной магии, Сердцевина, как линза, разлагает его на составляющие, усиливает и направляет чистые «цвета» в стихийные лепестки, а в наш Белый — отражает всё то, что не удалось изменить, а также часть изначальной, смешанной силы, изменённой по сравнению с исходным материалом.

Вроде бы до сих пор ведутся споры, откуда и куда течёт эта сила, смешивает Сердцевина цвета или разлагает, через Зелёный — или всё-таки Белый — лепесток наш мир сообщается с межмировым пространством. Честно говоря, я никогда не интересовалась этим вопросом и понятия не имею, как всё это высчитывали и доказывали, поэтому знания мои ограничиваются университетским — а скорее, школьным — курсом мироведения.

Но как бы ни было всё устроено на самом деле, а именно этот общий поток подгоняет все перемены, которые происходят в мире. Мы все находимся внутри него, пусть даже самые сильные маги не способны ощутить его течение, только кажущуюся статичной силу. Часто поток этот связывают со временем — и технически, и аллегорически.

Существует... трудно назвать эту грандиозную систему скромным словом «чары». Скорее, методика и сложный комплекс действий, позволяющий выключить некий сравнительно небольшой и относительно замкнутый объект из потока. Не знаю, способны ли на что-то подобное маги из других лепестков, но наши некроманты умеют.

Что в таком состоянии происходит с предметами — достоверно неизвестно, но живые существа от такого умирают. Наверное, мгновенно. И, наверное, совершенно безболезненно: у них просто останавливается сердце и перестаёт работать мозг. Считается, что невозможно вырвать из потока душу, и именно насильственное разделение души и тела приводит к смерти.

Способ этот имеет массу недостатков и ограничений, поэтому используют его крайне редко, но всё равно статус такой процедуры и её результатов вполне чётко определён законом. И, как ни странно, выключение места происшествия из потока является не только допустимым, но даже рекомендуемым следственным действием, если вдруг нет возможности провести полноценный осмотр. «Странно» — потому что от местного шерифа не приходилось ждать какого-либо уважения к законам.

А ещё, насколько я знала, «в поле» для проведения такой процедуры требовались усилия двух-трёх некромантов.

Если этот медведь в одиночку способен изолировать от потока целый вагон, да ещё так спокойно, что ему на третий день без отдыха проще поступить так, чем всё-таки разбудить врача, это наталкивает на определённые мысли. Как минимум о том, что Адриан Блак — самый сильный некромант из всех, кого я знаю.

Нет, я точно припомню Маргу этого сослуживца!

Считается, что чем больше сила, тем разрушительней она сказывается на разуме человека. Таких магов ни в коем случае нельзя считать дураками, да и статистики никто не ведёт, это всё больше стереотипы, но...

В этот момент наш разговор прервался громким стуком в единственную дверь — пришли остальные полицейские вместе с остальными несчастными, кому по прихоти местного шерифа предстояло провести ночь в камерах. Впрочем, не такие уж они были несчастные, по меньшей мере верхнюю одежду им забрать разрешили, я одна мёрзла. Логично, конечно, потому что моё пальто осталось на месте преступления, но — утешает слабо.

Владимир тут же отвлёкся на своих коллег и остальных пассажиров. Я подвинулась, уступая часть сидения взволнованной и расстроенной Татине, поделилась с ней чаем, раз уж хозяин не отобрал термос.

Атмосфера в фургоне воцарилась на удивление мирная и дружелюбная. Пассажиры ворчали и ругали шерифа, но устало и хмуро, без огонька — то ли их впечатлили угрозы, то ли заставляло смириться понимание непреодолимости сложившихся обстоятельств. Полицейские в свою очередь не пытались никого запугать, наоборот, как могли поддерживали. Особо разговорчивый водитель и добродушный, явно слишком покладистый и мягкий для такой работы Завр.

Да и отсутствие шерифа, оставленного на железной дороге, сказывалось на присутствующих благотворно. Оставили бы его там насовсем, а?

— До чего жуткий тип, — пробурчала Татина, слегка успокоившись сладким чаем. Фургон ехал не спеша, потому особо не громыхал и на ухабах подпрыгивал умеренно, так что пить можно было почти без риска облиться.

— Ты с ним раньше не сталкивалась? — понимающе уточнила я.

— Творец миловал, — отмахнулась Тати с содроганием. — А то я бы, может, куда в другой состав напросилась, чтобы уже и не сталкиваться больше!

— Хорошо тебя понимаю, — вздохнула в ответ. — Я тоже уже всерьёз пожалела, что решила поехать именно сюда.

— Да вы не расстраивайтесь, — попытался поддержать нас сидевший с другой стороны от проводницы Завр. — Завтра капитан поутихнет и всех отпустит. Если, конечно, никто из вас не убийца.

Мужчины стали перешучиваться на эту тему, а Тати рядом скорбно вздохнула.

— Не понимаю, что там вообще случилось, — призналась она. — Кто его убил? Когда? И как — так, что мы ничего не услышали?! Там же такие тонкие стенки! Звукоизоляция есть, конечно, но не настолько хорошая, чтобы не слышать крик.

— Или он не кричал, — задумчиво пожала я плечами. — Кто убил... Ну, учитывая его манеру общения, врагов у него могло быть предостаточно, тем более он, насколько понимаю, был журналистом.

— Откуда ты знаешь?

— Что-то он такое болтал про своего редактора, — пояснила рассеянно. — Убили наверняка с помощью духа.

— А это-то ты откуда взяла? — изумилась Тати.

— Да, мне тоже интересно, — высунулся из-за неё Завр, который явно прислушивался к моим рассуждениям.

— Так шериф же сказал, — растерялась я от такого внимания.

— Когда?

— Ну, он говорил, что в вагоне несёт мертвечиной.

— Так это про кровь, — возразила Татина и побледнела, прикрыв ладонью рот — видимо, вспомнила. — Пахло действительно... ужасно.

— Нет, при чём тут кровь! — отмахнулась я. — Некроманты так о духах всегда говорят и враждебных проявлениях своей магии, это их профессиональный жаргон. Чаще, правда, про существ Разлома, а не просто так... — добавила, поколебавшись.

В столичном УСД некромантов хватало, едва ли не половина следователей из числа боевых, а не один только Гитон Марг. В полиции вообще их полно, они тяготеют к силовым структурам: вырабатывается привычка во время обучения и службы, и в обычной рутинной жизни найти применение их дару не так-то просто. Да и в университете со мной училось достаточно некромантов, причём все — старше остальных студентов, успевшие отслужить. Так что, можно сказать, с магами этой специальности я общалась всю свою жизнь. Пусть шапочно, но кое-что о них знала.

— Ты что, хочешь сказать... — пробормотала Татина, потом затрясла головой. — Нет, даже слышать не хочу! Ты точно своих детективов перечитала, не обижайся, но...

— Очень может быть, — улыбнулась я.

Твари Разлома обычно возле этого самого Разлома и остаются. Но иногда — чаще, чем думают средние обыватели, но реже, чем полагают сторонники разнообразных теорий заговора, — они встречаются и в остальных частях мира. И встречались всегда, ещё до возникновения Разлома. Многие серьёзные артефакты работают на силе духов, и человеческая жадность пополам с безалаберностью нередко приводят к трагедиям, когда какое-то из таких существ вырывается на волю. Я уж не говорю о спонтанных появлениях потусторонних тварей, которые случаются в больших городах: там больше добычи.

Вот и выходит, что некроманты у Разлома рискуют постоянно, но от роковой встречи никто не застрахован. Тут, конечно, речь о случайности не шла, дух явно послужил орудием убийства. И жертв могло быть куда больше, а так...

Просто ещё одно напоминание о хрупкости жизни. Вот был несколько часов назад неприятный, гадкий, мелочный, но — живой, чувствующий человек, а вот — уже лежит со вспоротым брюхом и таращится в потолок стеклянными глазами на чудовищно спокойном, умиротворённом даже лице человека, который не успел понять, что умер.

Картина залитого кровью купе так ярко отпечаталась в сознании, что стоило немного расслабиться и отвлечься от происходящего вокруг, и она снова вставала перед глазами. В объёме, цвете и запахах.

Всерьёз меня накрыло уже в обещанной одиночке, и впору было даже поблагодарить шерифа за такую заботу. Конечно, ограничься всё только лишь обнаружением трупа, и было бы легче, но... навалилось. И усталость нескольких дней пути, когда я не могла толком выспаться, и стычка с некромантом, и осадок от общения с ныне покойным журналистом, чьего имени я так и не узнала, и мерзкая погода. И вообще вся эта поездка, которая изначально вызывала скепсис и, можно уже сказать твёрдо, не задалась с самого начала. И, конечно, то, что подтолкнуло уехать.

Мне было не то чтобы жаль себя, но до слёз обидно. Глупый, банальный, но от того не менее навязчивый вопрос: за что? Я бесчисленное число раз задавала его себе раньше, когда только выслушивала первые обвинения и ещё не верила, что всё это происходило на самом деле. Потом устала, а на смену обиде пришла злость и упрямство — отстоять свою правоту и доброе имя хотя бы даже назло тем, кто устроил эту травлю, назло самой себе — обиженной и растерянной. И вот опять.

Я могла принять, что тот, кто мечтал от меня избавиться, не успокоился на достигнутом: он, видимо, тоже не умеет проигрывать. Я готова была смириться с вынужденным отъездом. Но... Творец! Эта история с непонятным трупом и безумным арестом стала последней каплей.

Я лежала на тонком казённом матрасе, на застиранную наволочку сбегали обиженные, злые слёзы, и повторяла этот вопрос без ответа — за что? За что мне всё это? Что я сделала не так? Всегда старалась быть справедливой, быть честной и тактичной, тщательно взвешивала все решения и не позволяла себе идти на поводу у эмоций. Да я ради этого профессию выбрала — чтобы сделать мир чуточку более справедливым, правильным! И что теперь?..

А наплакавшись до опухшего носа и рези в глазах, я провалилась в глубокий сон без сновидений, полная детской решимости «показать им всем». Кому и что, правда, придумать уже не успела.

Глава четвёртая, в которой письмо находит адресата

Адриан чувствовал себя словно с похмелья. Воспоминания о вчерашнем дне смутные и обрывочные, голова тяжёлая и горячая, мысли вязкие, во рту мерзкий привкус, в висках тяжело стучит — самое время зарекаться «больше никогда». Только надо вспомнить, что именно — никогда, и вот тогда уже — больше ни-ни.

Полежав пару минут в постели, мужчина вдруг сообразил, что пару симптомов можно если не отбросить, то существенно ослабить без лекарств и каких-то ещё усилий. Достаточно просто убрать с подушки Гайку, которая устроилась вокруг его головы меховой шапкой с подогревом и вибрацией. Стучало не в голове, просто кошка урчала, а в черепе гуляло эхо.

Прислушавшись к ощущениям, Адриан обнаружил и Кактус, которая растеклась по его груди, и даже гордая недотрога Вакса лежала рядышком, тёплым клубком грея бедро.

— Выложился я, да? — со смешком спросил он, чуть запрокинув голову.

— Мр! — подтвердила рыжая Гайка, ткнувшись усатой мордой в глаз. Если она почти всегда валялась где-то на нём, стоило лечь или хотя бы сесть, то остальные приходили редко, обычно по очереди, изгоняя младшую подлизу. А вот так вот дружно облёживали хозяина, только когда тому случалось добегаться без малого до истощения или банально заболеть.

Кактус встала и бесцеремонно потянулась, не сходя с человека. Вакса, когда он зашевелился, поспешила сбежать, привычно брякнулась об пол с таким звуком, что Адриан первое время удивлялся, как она ничего себе не ломает.

Мужчина сел на постели, опираясь на руки, сгоняя вторую кошку. Гайка невозмутимо стекла в оставшуюся от его головы ямку на подушке. Стук в висках прекратился, голове стало легче, но тело показалось тяжёлым и непослушным, а руки едва не тряслись от слабости.

Тихо ругаясь сквозь зубы, некромант заставил себя встать, открыл окно, впуская в комнату холодный сырой ветер. И, по ощущениям, в голову тоже — от свежего воздуха в ней заметно прояснилось, хотя обрывки воспоминаний вчерашнего дня стали ещё более жидкими и тусклыми.

Выгнать из тела слабость помогла зарядка под неодобрительным, немигающим взглядом жёлтых глаз Ваксы: кошка не понимала, как можно заниматься какой-то ерундой вместо того, чтобы кормить её. Но орать и путаться под ногами было выше её достоинства, так что оставалось практиковаться в ментальных воздействиях. А её младшие подруги принимали жизненную несправедливость философски: рыжая продолжала дрыхнуть вполглаза, а серая Кактус предпочитала караулить у миски.

— Какая отвратительная рожа, — пробормотал Адриан, разглядывая опухшую со сна небритую физиономию в зеркале в ванной. Задумчиво поскрёб сизый, с каким-то тёмным налётом подбородок.

— Мря? — возмутилась снизу разговорчивая Гайка.

— Да я не про тебя, не ворчи, — хмыкнул мужчина.

Умыться, побриться, принять душ — всего двадцать минут, но к концу традиционных утренних процедур он окончательно почувствовал себя человеком. Правда, не мешало бы поспать ещё часов восемь, потому что голова всё ещё плохо соображала, пальцы слегка подрагивали, а в груди зияла сосущая пустота — обычное ощущение от перерасхода сил.

— И на что я вчера так выложился? — рассеянно спросил он у трусящей впереди, задрвав хвост, Гайки.

Он хорошо помнил, что опять пришлось выходить в море. В Акульей Глотке застрял корабль, да, как назло, с серым грузом, да груз тот ещё и повредился... Полтора десятка трупов,

два десятка чуть живых от страха членов команды пополам с пассажирами и три озверелых духа. Будь его воля — Адриан бы там их всех и оставил, потому что идиотов он не любил.

И дело совсем не в том, что кто-то решил разжиться левыми душами. Как некромант, знающий их силу и возможности, которые давало подобное имущество, Блак мог понять и заказчика, и контрабандистов как таковых. Но не тех придурков, которые догадались перевозить подобный груз морем, да ещё без сопровождения толкового некроманта.

Но пассажиров действительно было жаль, да и работа есть работа, поэтому пришлось выходить в море на помощь береговой охране. Некроманты — они, как кошки, воду не любят, так что со своими некромантами у смежников тоскливо. Да и Акуля Глотка — почти территория Клари, потому что в сильный отлив туда можно дойти пешком.

Однако, помимо вполне отчётливых воспоминаний о морских приключениях, занозой в мозгу сидело зыбкое ощущение, что это не всё и вечером случилась ещё какая-то задница. Впрочем, беспокоило это обстоятельство мало: судя по тому, что проснулся он в собственной постели, живым и даже почти здоровым, размеры этой... неприятности не столь уж велики. Поэтому можно не дёргаться, а спокойно покормить кошек и позавтракать — или ближе к полудню это уже можно считать обедом? Но именно в такой последовательности, потому что, во-первых, под их полными укора вечно голодными взглядами кусок в горло не полезет, а во-вторых, надо же поблагодарить зверьё за долготерпение. Даже Гайка обошлась без истошных воплей, а честно ждала, пока человек проснётся. Человек оценил.

А обуваясь в прихожей, Адриан неожиданно обнаружил там предмет, которого в этой самой прихожей быть не могло: на полке для обуви лежала сумка. Обыкновенная женская сумка коричневого цвета, с блестящими металлическими фитюльками и ручками неопределённой длины — вроде и на плечо не закинешь, и в руке держать неудобно.

Если бы к сумке прилагалась женщина — ладно, такое с ним случалось. Обычно не в Клари, здесь он осторожничал, но это хоть как-то можно было понять. Если бы женщины не было, но была её обувь — это был бы серьёзный повод для паники, потому что во весь рост встал бы вопрос, куда он эту женщину дел. Каких-то агрессивных наклонностей Адриан за собой прежде не замечал, даже в состоянии близком ко вчерашнему, но всё когда-то случается впервые.

А вот сумка отдельно от остальных частей вызвала растерянность.

— Интересно, я её украл? — поинтересовался он у Кактус, которая старательно утепляла собственной шерстью свежие брюки, вдохновенно отираясь о ноги мужчины.

— Мяу! — укоризненно сообщила Гайка, сидевшая в дверях. Мигнула глазами по очереди и очень по-человечески грустно вздохнула. Мол, дурак ты, хозяин.

Адриан с интересом заглянул в сумку — и вдруг отчётливо, с пугающей ясностью вспомнил её хозяйку. Если точнее, сначала он вспомнил весьма аппетитного вида грудь, к которой хозяйка прижимала это имущество, а потом, по цепочке, и всё остальное. И саму женщину, и другую женщину, уже в форме проводницы, и ещё толпу народа.

И разящий мертвечиной свежий труп.

Тихо выругавшись себе под нос, Адриан глянул на часы и выругался ещё раз. После чего, едва не споткнувшись об обиженно мявкнувшую Гайку, выскочил из дома. Детали вчерашних событий из памяти ускользали, но главное — что в участке просто так сидит несколько приезжих — он вспомнил. И всю дорогу мысленно костерил свою память, контрабандистов и некоего идиота, который не нашёл другого времени и места, чтобы убится.

У дома, в котором жил, шериф видел два неоспоримых достоинства: солидных размеров сад с двумя десятками старых деревьев и, главное, расположение в пяти минутах неспешной ходьбы от участка. Сегодня Адриан дошёл за три, старательно не переходя на бег, чтобы не спровоцировать среди мирных граждан Клари панику. А они и так норовили поинтересоваться, куда спешит Блак и не надо ли ему чем-то помочь.

Ничем не поможешь. Это не лечится...

Клари — небольшой, но всё-таки город, поэтому отделений полиции тут имелось целых три. Другое дело, что два из них представляли собой крошечные каморки, «отгрызенные» у других учреждений: одно располагалось на первом этаже городского госпиталя, а второе — вообще в здании школы. С отдельным входом, но сам факт служил неиссякаемым источником тем для обсуждений и шуток.

Шериф же размещался в том, что гордо именовалось «центральным полицейским управлением города Клари». Не то дом, не то сарай — одноэтажное приземистое строение с парковкой, на которой скучали все казённые автомобили. То есть оба, фургон и легковая рабочая лошадка, на которой Адриан, его заместитель или ещё кто-нибудь мотались при необходимости в Фонт. А чуть в стороне, под отдельным навесом, прятался основной городской транспорт.

По городу полицейские, как и остальные жители, предпочитали передвигаться на велосипедах — и быстро, и удобно. Все, кроме Блака, который утверждал, что ему несолидно, да и выглядит он на двухколёсном коне как собака на заборе, шериф же должен внушать уважение, а не смешить горожан. И ему даже верили — все, кроме его заместителя и по стечению обстоятельств старого друга Кириана Клета. Тот единственный знал, что Адриан попросту не умеет.

С улицы посетитель попадал в небольшой предбанник, где вообще-то полагалось сидеть специально обученному полицейскому — проверять и выписывать пропуска и вообще охранять коллег от всяческих вредных пришельцев. Здесь даже имелось несколько стульев для ожидающих и стол, но последний был девственно пуст, а первые... Уже давно сюда выселяли из остальных кабинетов негодную мебель, поэтому Адриан никому не советовал бы присаживаться на эти стулья.

Дальше тянулся длинный коридор, первая дверь справа вела в общий зал, слева их было три — в кабинет шерифа, который тот делил с помощником, в вечно закрытый архив и в туалеты. Дверь в торце скрывала изолятор на три камеры, и вот там охрана уже случалась.

Бросив взгляд в сторону местных «клеток», Адриан решительно свернул налево. Перед тем как идти разгребать последствия вчерашней горячности, следовало для начала узнать последние новости.

— Ну надо же, пришёл! А я уж прикидывал, где тебя разыскивать и кого на это организовать, чтобы паники не случилось, — поприветствовал его заместитель, прерывая своё занятие и разминая пальцы: до прихода начальника Кириан бодро стучал по кнопкам пишущей машинки.

— Дома меня разыскивать, — проворчал Адриан и шмякнул на стол зама сумку.

— Не твой цвет, — рассеянно заметил Кир.

— Что?

— Говорю, цвет не твой. Да и фасон малость неожиданный. — Клет сдержанно улынулся.

— Тьфу! Глянь, что там? Я вчера из поезда машинально прихватил.

Кириан бросил насмешливый взгляд на начальника, шумно пьющего воду прямо из графина, но пишущую машинку аккуратно отодвинул. Развернул угольно-чёрный нейтрализующий коврик, достал такие же перчатки — досмотр так досмотр, по всем правилам. Адриан потому ему сумку и сунул, что знал собственную неуклюжесть в таких вопросах, бороться с которой сейчас не было ни сил, ни желания. Осмотреть бы осмотрел, но наследил как стая грешников.

^Грешники — одна из самых распространённых тварей Разлома. Самые человекообразные, самые тупые и самые материальные. Считаются наименее опасными. При необходимости с ними может справиться и обычный человек.^

— Ты этих не допрашивал? — Адриан неопределённо дёрнул головой.

— Ты их туда посадил, ты перед ними и красней, — невозмутимо припечатал Кир. — Лавиния Ракс, — прочитал, разглядывая паспорт. На столе уже лежала не заинтересовавшая мужчину книга и выпотрошенная косметичка. — Забавно, в жизни она выглядит моложе, чем на фотографии. Мовестир...

— Что? — шериф подошёл к замку, глянул через плечо.

— Рецепт на лекарство, кажется, — Кириан продемонстрировал слегка мятую бумажку с печатями. — Ты не знаешь, что это такое?

— Первый раз слышу.

— Ага, а вот и он, — на свет появилась плотно закупоренная стеклянная баночка с медово-жёлтыми капсулами внутри. — Жаль, инструкции нет. Непонятно, что им лечат.

Следом на коврик переместилась горка ничем не примечательных женских мелочей — связанное зеркальце в изящном металлическом, наверное серебряном, корпусе с чеканным узором, складная щётка для волос, флакончик духов, пара ручек, связка ключей, несколько салфеток и носовых платков, карманная складная отвёртка, при виде которой Клет уважительно хмыкнул. Металлическая коробочка с гигиеническими принадлежностями, маленький фонарик, горка конфетных фантиков и несколько конфет, ещё одна маленькая сумочка с кусками таблеточных упаковок, на некоторых даже название не помещалось, но кое-какие Кириан узнал. Ничего интересного — лёгкое обезболивающее, таблетки от укачивания, для желудка, пачка пластыря...

Горка потихоньку росла и, кажется, давно уже переросла размеры сумки.

— Там что, прямая связь с Разломом? — не выдержал Адриан.

— Можно подумать, ты никогда не досматривал женские сумки! — рассмеялся в ответ Кириан. — По этому же можно прекрасный психологический портрет составить.

— И что ты можешь составить?

— Ну... Женщина предусмотрительная, аккуратная. Самостоятельная, организованная...

— Организованная? — не поверил шериф. — А как это связано с кучей фантиков?

— Сладкое любит, — пожал плечами Кир. — Но вообще я про остальное. Смотри: таблетки у неё отдельно, причём не целые упаковки, а по чуть-чуть, если вдруг станет плохо. И это именно личная аптечка, не по назначению врача. Назначенного — вон, целый пузырёк. Косметика декоративная — отдельно, аккуратно разложена. Туалетные принадлежности — отдельно. Да, ну и конечно она особа романтическая и немного авантюрная.

— Конечно?

— Я про книгу. Женский романтический детектив, то есть приключения и любовь.

— Ты что, читал?

— Эту нет, но автор знакомый, — невозмутимо признался Кириан. — Хорошая развлекательная литература. Так, ну с основным отделением всё, карманы... О! Весьма предусмотрительная особа, — улыбнулся он, выложив из бокового кармашка презерватив в блестящей упаковке. — А она мне уже нравится.

— Может, проститутка? — предположил Адриан.

— Дан, ну как ты можешь так о незнакомой женщине? — Кир бросил на него укоризненный взгляд. — Я, конечно, понимаю, что досмотр и обыски — не твоё, и ты от них всегда бегаешь, но не до такой же степени! Ты от вчерашнего, что ли, не отошёл?

— Не знаю, может быть, — не стал спорить шериф. — Соображаю туго, факт. Но я, извини, не могу представить другой ситуации, чтобы женщина таскала резинки, это, по-моему, дело мужика.

— Как мало ты знаешь о женщинах! А так и не скажешь, — с иронией улыбнулся Кир. — У тех, кто продаёт любовь, их обычно пачка разных на любой вкус, а тут... Скорее уж она в постоянных отношениях с довольно безалаберным мужчиной. Впрочем, учитывая, что лежит

он тут, судя по упаковке, давно, я бы всё-таки поставил на предусмотрительность. Слушай, мне нравится эта женщина! Надеюсь, она не убийца.

— Убийство, точно! — опомнился Адриан и качнулся к собственному столу. — Надо же группу собрать и пойти всё там осмотреть.

— Надо, — согласился Кириан.

Новомодная зеркальная линия, быстрая и удобная, до Клари пока не дотянулась. Какие-то были сложности с передачей сигнала через местные горы, Адриан не вдавался, да и море осложняло работу решительно всей магической техники — на то оно и море. А вот более простая и надёжная местная переговорная линия существовала и вполне успешно действовала, километрами проводов опутав город. Связать её с Фонтом собирались лет двадцать назад, но потом появились зеркала, областной центр от старой связи отказался почти полностью, оставив несколько резервных линий для особых случаев, а Клари... Клари теперь ждал, пока наверху найдут другой способ связать городок с центром, и от трудностей со внешним сообщением не очень-то и страдал.

— Ого! — Кир вдруг присвистнул, отвлекая шерифа от попыток вспомнить номер единственного местного судмедэксперта, он же патологоанатом, он же начальник лаборатории при госпитале, порой исполняющий обязанности хирурга.

— Что у тебя там?

— Паспорт. Лавиния Шейс.

— Погоди, но была же другая... — растерянно проговорил Адриан и осёкся, потому что друг вместо лишних слов продемонстрировал ему одинаковые обложки двух документов. — Однако это становится всё интереснее!

— Хм, тут ещё письмо, — сообщил Кириан, доставая из внутреннего, потайного отделения сумки небольшой конверт. — Ты будешь смеяться, но оно для тебя.

— Издеваешься? — озадачился шериф и вернулся к столу зама. — От кого?

— Некий Ги... Творец, ну и почерк! Гитон Марг вроде. Знакомо?

— Да, но... — Адриан развёл руками. — Я ни демона в происходящем не понимаю. Читай.

— Может, ты всё-таки сам? Оно запечатано, — предупредил Кириан.

— Ну да, сам! Сам я его до ночи читать буду, тем более даже ты почерк не разбираешь.

Читай, вряд ли Гитон что-то столь уж интимное пишет, — он поморщился.

— А кто это вообще?

— Сослуживец. Он старше меня, так что ты его не застал.

— Хороший сослуживец?

— Надёжный, — пару секунд поколебавшись, ответил Адриан. — Читай.

Живучесть стереотипа о неадекватности некромантов объяснялась просто: они действительно все в той или иной мере были не в себе. Постоянное ментальное давление близкого Разлома, пусть и ненаправленное, сказывалось на несущих службу людях. Собственно, срок этой службы определялся по факту, на общем осмотре раз в полгода, по результатам которого часть списывалась «на берег».

Точно определить какую-то закономерность, почему один выходит из строя уже через год, а другой — и через десять лет неплохо себя чувствует, пока не сумели. Это не было связано с уровнем силы и интенсивностью службы, с проведённым вблизи Разлома временем, даже с боевым или мирным направлением работы. Просто на одних действовало так, на других — иначе. Ничего не решал «вахтовый» метод службы и другие ухищрения. Может, помогло бы ограничение времени службы годом или двумя, но... Разлом большой, духов много, а вот некромантов — мало. Не говоря уже о том, что первый год службы приходилось только привыкать к особенностям местности: одно дело изучать в теории, а совсем иное — столкнуться со

всем этим на практике. Все, кто там бывал, сходились в одном: подготовиться к этому невозможно.

Самое интересное, далеко не на всех Разлом действовал разрушительно. Один сослуживец Адриана, например, до службы был очень нервным и даже трусливым, а после — заметно успокоился. Другой вдруг приобрёл абсолютный музыкальный слух. У третьего проснулся талант к математике, хотя прежде сложные формулы вызывали ступор. Правда, даже на них превышение предела воздействия сказывалось разрушительно, просто — более внезапно. И это объяснить тоже пока не получалось.

Адриан отделался, если разбираться, легко. Он всего лишь дурел с недосыпу и вообще от усталости и с трудом воспринимал текст. Мог при необходимости прочитать какой-то документ, но это требовало заметных усилий и занимало много времени, особенно если текст был не печатным, а рукописным. И если ради дела он ещё мог с собой побороться, то любимое прежде развлечение — чтение — пришлось оставить, потому что радости процесс больше не приносил.

На службе же, к общему удовольствию, основную часть бумаг взял на себя Кириан. Со своей любовью к порядку, Клет содержал документацию в идеальном состоянии, и ему именно бумажки доставляли наибольшее удовольствие.

Письмо оказалось коротким, предельно сухим и конкретным. Детали Гитон расписывать не стал, но о том, кто такая Лавиния Шейс и почему он отправил её именно сюда, рассказал. И к концу письма Кириан начал поглядывать на друга и начальника со смесью иронии и сочувствия.

— Честная судья, которая взяток не берёт? — переспросил Кир в конце. — Я понимаю, почему он постарался её спрятать. Это же уникальный представитель вида! А ты её в одиночку... Ай-ай-ай, нехорошо так со столичной знаменитостью!

— Считаю, определил в отдельный вольер повышенной защищённости. Как ценного представителя уникального вида, — проворчал Адриан, справляясь с растерянностью и определённой толикой смущения. Вчера он явно погорячился, и если свои к его манере привыкли, то как отреагирует эта столичная штучка — большой вопрос. — Ладно, собери там кого-нибудь из ребят, кто скучает, а я Траса выловлю. Надо место преступления всё-таки осмотреть и труп забрать...

— Дан, а ты ничего не забыл? — Кириан насмешливо приподнял брови, не двигаясь с места.

— Например? Сказать тебе спасибо? — спросил шериф недовольно.

Да знал он, знал, что Кир имел в виду. И даже понимал его правоту, но... Вот именно сейчас залитое кровью купе поезда представлялось гораздо более приятным и уютным местом, чем родной участок, нелюбимый обыск — занятым и увлекательным, а труп — весьма интересной компанией. Главное, молчаливой.

— Это тоже можно, но вообще-то я про людей, которые сейчас сидят в изоляторе. Долго ты планируешь их там мурыжить? И — нет, даже не надейся. Опрашивать будешь сам и извиняться тоже. На твоём месте я бы начал именно с них. Завтраком их, конечно, накормили, да и крыша там больше не течёт, так что в камерах даже в дождь вполне терпимо, но это не оправдание. Труп придётся подождать, но он не обидится, я уверен. Дан, да приходи ты уже в себя, а? Я начинаю чувствовать себя твоим папашей! — ворчливо закончил Кир.

Адриан тихо ругнулся, зажмурился, помассировал виски.

— Ладно, ты прав. Хоть ты бы меня вовремя домой отправлял, что ли... — пробормотал он.

— Во-первых, я не самоубийца, чтобы лезть под руку, когда тебя несёт. А во-вторых...

— Да понял я, понял, ты мне не папаша и уж тем более не мать, — оборвал шериф. — Это были мысли вслух, не обращай внимания. Собери группу.

Кириан молча направился к переговорному аппарату, а Адриан — пошёл в изолятор, освобождать «отдыхающих».

Конечно, в идеале не стоило терять время и провести допрос с осмотром места происшествия параллельно, в конце концов, их же двое. Но с одной стороны, Кир был прав, шерифу стоило если не извиниться, то уж хотя бы исправить последствия самостоятельно, а с другой... Теоретически он мог доверить заму осмотр места преступления, но именно что теоретически.

Кириан, также боевой некромант, провёл у Разлома три года. Может, продержался бы дольше, потому что на последнем осмотре менталисты уверяли, что Клет вполне годен к службе. Но его списали после трагической истории, к которой Разлом имел опосредованное отношение. Группа Клета столкнулась с неожиданно большой стаей тварей, и до подхода подкрепления из них всех продержался только Кириан.

Разлом сделал его более спокойным и уравновешенным, «привил» педантизм, впрочем, в той степени, когда эта привычка ещё не становилась болезненной. Клет просто любил порядок, но его отсутствие не вызывало острой реакции. А вот та стычка нанесла серьёзную травму: Кир начал бояться крови и покойников. И всё, что сумели сделать менталисты, — вернуть ему контроль над собой даже в моменты страха. То есть он не убежал, не бился в истерике и не падал в обморок, но находиться рядом с трупом спокойно не мог.

Конечно, сейчас некроманты не потрошили трупы, как в старые тёмные времена, вообще работа с мёртвой плотью теперь считалась грязной и безнадёжно устаревшей, так что даром своим Кириан пользоваться мог и много других важных вещей делать — тоже. Но посылать его на нынешнее место преступления — идея не то что сомнительная, а откровенно издевательская.

Начать разговор Адриан решил с простого, под определение которого подходило двое приезжих мужчин, которых он не запомнил, а значит, возле пострадавшего купе не видел.

С первым повезло, заключение отставной военной шофёр Савин Тург воспринял философски. Даже шутил, что давно так хорошо не высыпался, да и удобно, транспорт не пришлось искать, чтобы добраться от станции. Сюда он приехал из Фонта надолго, в гости к дочери, которая вышла замуж за местного, а сейчас родила тройню, так что помощь родителя оказалась более чем кстати. Этому шериф объяснил, как добраться от участка до нужного дома: семью эту он, конечно, знал, её вообще весь город знал, всё-таки нерядовой случай.

Со вторым повезло чуть меньше. Иреной Олен ворчал и грозил жалобами, но вяло, без огонька, и было очевидно, что никуда он жаловаться не пойдёт. Потому что понимает: в лучшем случае местную полицию пожурят, и то вряд ли. Отнеслись к задержанным достаточно бережно, разместили в приличных условиях, голодом не морили, а в остальном — шериф имел право задержать всех до выяснения обстоятельств и уточнения личности, даже несмотря на наличие документов. Подписку о невыезде Олен подписывал нехотя, но выяснив, что завод считается территорией города, заметно повеселел: он приехал по рабочим делам именно туда. Олен оказался артефактором, специалистом по крупным промышленным установкам, а вникнуть в подробности Адриан и не пытался.

Ничего полезного по делу оба сказать не могли. Артефактор всю дорогу не вылезал из своих записей и не мог даже внятно ответить, с кем он вообще ехал в купе от самой столицы, а кто присоединился позже. Счастливый же дед то ли не видел убитого, то ли не запомнил, зато прекрасно запомнил судью Шейс, причём по тому же самому признаку, по которому её вспомнил сам Адриан: проще говоря, оценил фигуру. Ну ещё отметил то обстоятельство, что с проводницей эта дама общалась очень дружески и всю дорогу просидела у той в купе. Ничего подозрительного не видел и не слышал.

Татина Грог, та самая проводница, оказалась более ценным источником информации — после того, как перекипела, поругалась и настроилась на помощь следствию. Поначалу, правда, пыталась запирается и увиливает, но быстро одумалась. Рассказала о том, что Морриг Вист, как

звали убитого, прицепился к Лавинии ещё в Фонте, очевидно перепутав её с кем-то. Заверила, что соседка убитого всю дорогу была у неё на виду, но с её слов передала и предположение о том, что покойный был журналистом, и кое-что ещё интересное.

Адриан к этому моменту уже знал, что журналист как раз ничего не перепутал, но сообщать об этом постороннему человеку не собирался. Да и напрасно Татина пыталась выгораживать новую приятельницу, кажется больше убеждая себя, чем шерифа: всерьёз подозревать судью Шейс ему было не с чего.

В такую уж благонадёжность и честность этой особы верилось с трудом, но Блэк прекрасно понимал, что причина недоверия в стереотипах. Он хорошо помнил Гитона Марга, взявшего шефство над ним самим и ещё несколькими юнцами, впервые увидевшими Разлом, и рекомендации его верил. Точнее, по возможности собирался связаться с ним лично и уточнить, действительно ли Марг давал такую рекомендацию, но больше для успокоения паранойи, чем из реальных сомнений.

Косвенно правдивость письма подтверждалась тем, что женщина буквально бежала из столицы в эту глушь. «Разумные» люди не вляпываются в такие истории, они предпочитают договариваться и живут припеваючи, а вот принципиальные упрямы — мешают, слишком уж неудобные.

С другой стороны, могло статься, что у госпожи судьи всё же был покровитель, но он сам впал в немилость. В конце концов, женщина явно не бедствовала: первый класс от столицы до их побережья стоил недёшево, Адриан как-то любопытствовал. Но это — так себе аргумент, может, она просто экономная, а путешествовать любит с комфортом.

Главное, всё это вместе очень плохо сочеталось с убийством. Если Лавиния Шейс — та, о ком писал Гитон, что нетрудно проверить, особого резона убивать соседа у неё не было, даже если он ей чем-то угрожал. Да ещё таким образом. Нет, при желании накрутить подходящую версию Адриан мог, но предпочитал не перегибать палку. Тем более перед разговором с задержанной.

С проводницы шериф тоже взял подписку, против которой женщина не очень-то возражала. Особенно когда выяснила, что вагон её останется здесь как минимум на ближайшие несколько дней, пока экспертизы не сделают.

— Группа готова, Вит обещал приехать на место, — вставил Кир, когда проводница вышла.

— Ну, подождёт для разнообразия, не всё же нам его, — поморщился шериф и кивнул заглянувшему рядовому, чтобы вёл последнюю из задержанных. Надо с ней как-то договариваться и искать общий язык, раз уж Гитон просил приглядеть. Оставалось надеяться, что госпожа судья не станет вредничать и тоже пойдёт навстречу.

Глава пятая, в которой происходит допрос

Не зря говорят: всё, что ни делается, к лучшему. Если бы не было этой истории, мне пришлось бы среди ночи разыскивать шерифа, чтобы передать письмо, или, скорее, гостиницу, потому что ломиться среди ночи к незнакомому человеку я бы постеснялась. Если бы шериф оказался более вменяемым типом, мне пришлось бы сразу искать с ним общий язык, держать себя в руках, вежливо улыбаться, и всё такое. А так...

Выплакавшись ночью и хорошенько выспавшись в тишине маленькой камеры, я нашла себя утром в гораздо лучшем настроении, чем было в дороге или даже перед отъездом. Во мне сидела странная и необоснованная, но оттого не менее крепкая уверенность, что хуже уже не будет, дальше всё непременно начнёт меняться к лучшему. И вроде умом я понимала, что Блак, например, может обвинить меня в убийстве и вряд ли разобраться в этом будет легко, но почему-то оставалась спокойна.

Я прекрасно слышала голоса в коридоре и знала, что шериф наконец-то соизволил приступить к выполнению своих обязанностей, поэтому обулась, расправила блузку, одёрнула юбку и села на кровать в ожидании, когда очередь дойдёт до меня. Судя по всему, начать местный хозяин решил с мужчин, подвернувшихся вовсе уж случайно, и по этой логике мне предстояло стать последней.

Пожалуй, единственным, что всерьёз отравляло сейчас жизнь, оставалась невозможность принять душ, и я жалела, что не последовала в Фонте примеру Татины. Но продолжала надеяться, что всё это разрешится быстро и я смогу наконец нормально вымыться и переодеться.

На последнем предположении мысли споткнулись. Некстати вспомнилось, что чемодан так и лежит под койкой в купе первого класса, на койке следы крови, а купе вместе со всем вагоном выключено из потока. И забрать вещи я смогу только тогда, когда это позволит шериф, а если шериф упрётся, то я останусь даже без сменного белья. Конечно, его можно купить, потому что магазины...

На этом мысли опять споткнулись, потому что я вспомнила, что сумка моя тоже у этого медведя. А значит, у него все деньги и документы. Оба паспорта. И если Блак «случайно» потеряет письмо Гитона, он может на совершенно законных основаниях привлечь меня за использование фальшивки. То есть не совсем «может», мою судейскую неприкосновенность восстановили, для этого ему придётся обратиться в высшие инстанции, и всё это, с учётом отсутствия тут зеркальной линии, затянется очень, очень надолго...

Творец! В каком помрачении рассудка я находилась, когда соглашалась на эту аферу?!

Когда за мной наконец пришли, настроение за всеми этими размышлениями заметно упало, но всё же приглашение к разговору я восприняла с радостью: всяко лучше тупого ожидания.

Полицейский участок, судя по всему, был небольшим, да это и не удивительно — в Клари со всеми его окрестностями жило несколько тысяч человек. Впрочем, окрестностей тех было немного, городок лежал в небольшой удобной бухте, отрезанной от остальной цивилизации довольно крутым горным хребтом, и много домов на узкой полосе берега и предгорий просто не поместилось бы. Соответственно, всех представителей власти тут было — мэр и уже знакомый мне шериф. Причём, судя по манере последнего держаться и самоуверенности, именно он тут самый главный.

Нет, всё же я это Гитону припомню...

Молодой плотный парень в слегка тесноватой ему в животе форме проводил меня по короткому коридору в кабинет — небольшой, но очень уютный, неожиданно с парой крупных цветков в горшках. Наверное, местная уборщица развела, потому что... Секретаря тут нет, а

младшие чины наверняка обитают в другом помещении. Не сам же шериф подобным развлекается!

Впрочем, цветы могли быть имуществом заместителя — кажется, именно с ним вместе Адриан Блак занимал кабинет. И выглядело всё это... своеобразно.

Комната делилась на две части. Справа, у стены, на тёмной половине, обитал медведеподобный шериф. За его спиной стоял тяжёлый сейф, высились забитые книгами и лохматыми старыми папками шкафы, на столе среди гор бумаг стояла покрытая вековым налётом кружка, пестрели клочки разнообразных бумажек. За очередной стопкой папок притаилось даже грязное блюдо, которое выглядывало из-под засыпавших его бумаг, словно из засады. Симпатии к Блаку всё это не добавило, хотя сам он сегодня выглядел куда приличней, чем вчера, и уже не напоминал пропойцу.

Второй обитатель кабинета, разместившийся между двух неожиданно чистых окон, прикрытых аккуратными белыми жалюзи, являл собой полную противоположность медведю во всём. Идеальный порядок, все бумажки лежат в аккуратных стопках, стерильная чистота и никаких следов еды. Да и выглядел заместитель шерифа так, словно Творец подбирал эту парочку специально: белобрысый, худощавый, с узким длинным лицом и голубыми глазами. Впрочем, когда я заметила на столе заместителя собственную сумку, выпотрошенную и чуть ли не вывернутую наизнанку, симпатия растаяла, не успев родиться.

— Доброе утро, госпожа Шейс, садитесь, — первым нарушил тишину шериф и кивнул на стул перед своим столом. Против этого я возражать не стала.

— Вижу, содержимое моей сумки вы изучили со всем тщанием, — не удержалась от замечания. — Надеюсь, досмотр проведён по всем правилам, в присутствии понятых? Про судебную санкцию и разрешение судейской коллегии уж не спрашиваю, откуда бы им взяться.

— А у вас на лбу не написано, кто вы, — огрызнулся шериф. — И что-то никакого удостоверения мы не нашли, так что про коллегию можете и не вспоминать. Санкция мне тут тем более не нужна. А осматривали мы сумку с целью установления её принадлежности. На ней тоже не написано, кто хозяин.

— Вы сами у меня её отобрали!

— И где гарантия, что вы не отобрали её у кого-то ещё? — усмехнулся он. Криво так, по-звериному.

Ну и рожа...

— Это официальное обвинение?

— Госпожа Шейс, не желаете кофе? — вдруг вклинился белобрысый заместитель и поднялся со своего места.

— Не откажусь, — согласилась я, от неожиданности замешкавшись с ответом на несколько секунд.

На «светлой» половине кабинета, в углу за шкафом, обнаружился не замеченный мной раньше небольшой столик, на котором темнел перевёрнутый конус кофеварки, а также подставка с чашками и какими-то баночками.

— Тебе не предлагаю, не косись на меня так, — невозмутимо продолжил мужчина, кажется обращаясь уже к своему начальнику. — Я помню, что ты не любишь эту... чёрную жижу.

Шериф мрачно молчал, сверля заместителя взглядом, а моя неприязнь к Блаку ещё немного окрепла: не понимаю я людей, которые не любят кофе, а тех, кто его ругает, искренне недолблюваю. Глупость, конечно, и ни о чём конкретном человеческие вкусы не говорят, но в случае с шерифом я готова была видеть в этом знак.

— Сливки предложить не могу, но есть сахар и специи.

— Нет, спасибо, я пью чёрный.

— Замечательно. Да, прошу прощения, я нечаянно вас перебил, — напомнил он.

Конечно, совершенно нечаянно!

Не знаю, как Блаку, а мне стало стыдно за собственное поведение. Нечего и гадать, преврал нашу перепалку заместитель шерифа намеренно, чтобы не дать в пылу ссоры наговорить лишнего, и был абсолютно прав. Видимо, начальника своего он знает очень хорошо. Жаль, что не этот человек оказался приятелем Марга, иметь с ним дело было бы куда приятнее. Надо хотя бы узнать его имя...

— Скажите, Лавиния, как давно вы знаете Моррига Виста? — Похоже, шериф тоже сделал выводы из вмешательства своего зама, которые совпали с моими, и заговорил ровно и деловому.

— Я понятия не имею, о ком вы, — пожала плечами, кивком благодаря помощника шерифа за протянутую чашку. — Хотя нет, догадываюсь... Это мой покойный сосед, верно?

— Он самый. Хотите сказать, вы не были знакомы? Он вас узнал.

— Может быть, это его работа. Но я не знаю его и никогда не слышала этого имени. Впрочем, моя память наверняка ещё не до конца восстановилась, и я могла где-то с ним пересекаться, но точно не знакома лично.

— Чего он хотел от вас? Шантажировал?

— Может быть, собирался, не знаю. Он хотел сообщить кому-то в столицу, что я здесь.

— И вы?..

— И я планировала предупредить об этом Марга, как только найду в этом городе место, где работает зеркальная линия. В конце концов, это была его идея — отправить меня сюда.

— В Клари не работает зеркальная линия, — возразил шериф.

— Это я знаю. Но он уверял меня, что откуда-то отсюда всё же можно выйти на связь и не обязательно ехать для этого в Фонт. То есть связаться с городом не получится, но... Почему вы так странно на меня смотрите?

— Я полагаю, до Головы Чайки вы не дойдёте, — сообщил мужчина, окинув меня выразительным оценивающим взглядом. — И уж точно не в таком виде.

— До какой Головы?.. — растерялась я.

— Чайка — это утёс над морем, одна из вершин окружающего долину хребта, — пояснил Блак. — Не самая высокая гора и не самая крутая, но вряд ли столичная штучка вроде вас туда залезет. В ясную погоду на самой её вершине, Голове, можно поймать зеркальную линию.

— Что, и всё? Только там? — пробормотала я, пропустив мимо ушей «столичную штучку». Пренебрежение в словах шерифа, конечно, задело, но... По сути-то он прав, карабкаться в горы — это вообще последнее, что могло прийти мне в голову. Проще уж нанять машину в Фонт!

— Только там, — подтвердил мужчина. — Был тут один, высчитывал всё, где передатчики можно поставить, так и не высчитал. Если прижмёт, туда кого-то из мальчишек посылают, но не в такую погоду, сейчас смысла нет.

— И кто знает, что место для связи здесь всего одно и именно там?

— Все, кому это интересно, — отозвался Блак. — Вряд ли Марг мог не знать.

— Я ему это припомню, — тихо пробормотала я, мысленно выругавшись. Пока ещё не знаю как, но бумажками этот человек не отделается! — Погодите, но как тогда собирался связываться со своим редактором этот журналист? А он явно собирался!

— Выясним, — расплывчато сообщил шериф. — Значит, вы утверждаете, что планировали сообщить об этом журналисте Маргу, и только?

— А что ещё я могла сделать? Если вы намекаете на убийство, то напрасно, мне не было смысла его убивать.

— С ваших слов, — возразил мужчина. — Как и то, кто вы такая и зачем вы сюда приехали.

— Хотите сказать, письмо от Марга вы не нашли?

— Нашёл. Но я не помню его почерка, — пожал плечами Блак, не сводя с меня тяжёлого взгляда.

Несколько секунд повисела звенящая, напряжённая тишина, а потом я снова вспыхнула.

— Знаете что!.. Если вы планируете голословно обвинять меня и дальше, можете вернуть в камеру. Всё равно вам придётся отправляться в Фонт и устанавливать мою личность, раз уж у вас на руках два моих паспорта, а уж там мне и доступ к зеркалу предоставят, и внимание судейской коллегии. И вот тогда вы уже точно не сумеете отговориться этим нелепым «у вас на лбу не написано». А даже если попытаетесь задержать меня тут... раз уж я не вышла на связь и не выйду в ближайшем будущем, через несколько дней здесь будет моя подруга, и будьте уверены, она всё это так просто не оставит!

Выпала и запоздало осознала: нет никакой гарантии, что Ангелика действительно поднимет панику сразу. Когда Марг отправлял меня сюда, заведомо зная, что связаться с окружающим миром быстро не получится, он наверняка предусмотрел способ успокоить Лику и не позволить ей ломать планы.

А потом стало совсем уж не по себе. Вдруг возникла паническая мысль, что обо всех идеях Гитона Марга я знаю только с его слов и не могу с уверенностью утверждать, говорил он мне правду или нет. То есть не могу точно знать, с какой именно целью он сослал меня в это место, что написал своему сослуживцу и что планировал предпринять в действительности. И вообще-то большой вопрос, насколько я могу ему доверять!

Творец! И почему такая светлая мысль возникла в моей голове только теперь?..

— Не волнуйтесь, госпожа Шейс, вас никто всерьёз не подозревает в убийстве. Дан?

Наверное, какие-то из этих мыслей отразились на моём лице, иначе почему бы заместитель шерифа решил вдруг меня поддержать?

— Не подозревает, — после неприятно долгой паузы всё же подтвердил Блак. — Но у вас был конфликт с убитым.

— У меня был конфликт с половиной столицы! Предлагаете всех убить? — возмутилась я. — Впрочем, простите, я забыла, вы же сомневаетесь в моей личности! Ну так поезжайте в Фонт и проверьте, сколько можно?!

— Не орите так, — поморщился шериф. — Вы в суде себя так же ведёте, {судья} Шейс?

Я задыхнулась от возмущения, открыла рот, чтобы возразить... и медленно выдохнула, прикрыв глаза, и спряталась за полупустой чашкой. Несколько секунд помолчала, пригубила остывший до самой удобной температуры кофе, пытаюсь взять себя в руки. Похоже, вот и она — повышенная эмоциональность, о которой предупреждал менталист.

— Нет. Только после... болезни, — пробормотала тихо. — Простите. А у убитого не только со мной был конфликт. Не удивлюсь, если в столице у него обнаружится скандальная репутация любителя чужого грязного белья. И вообще окажется, что он не гнушался шантажа. Да и сюда он ехал по какому-то делу, а меня хотел... разоблачить просто заодно, раз уж попала под руку.

И я постаралась в подробностях припомнить всё. И того мужчину, с которым журналист ругался в Фонте, и то, что сам Вист успел сказать в купе. Впрочем, много времени это всё не заняло, и я сейчас жалела, что даже не попыталась подробнее расспросить попутчика о цели его поездки.

Когда Блак не пытался меня обвинять и не цеплялся попусту к словам, впечатление он производил гораздо более приятное. Во всяком случае, допрос вести явно умел, и под конец этого короткого делового разговора я даже сумела вспомнить, что всё-таки слышала имя Виста. От Лики, причём исключительно как ругательство. Что-то она такое говорила про позор профессии, но в подробности я, конечно, не вдавалась. Очень хотелось посоветовать Блаку запросить информацию в столице, но рекомендации свои я оставила при себе: ну не совсем же он идиот, правда!

— Вот, прочитайте и распишитесь, если всё верно, — заместитель шерифа принёс мне заполненный протокол, который успел незаметно составить, и обменял на опустевшую чашку.

Почерк у мужчины оказался идеальным — ровным, разборчивым, аккуратным. У меня так не получается, даже если стараюсь и пишу медленно, а он ведь успевал конспектировать во время разговора! По содержанию вопросов тоже не возникло — ничего лишнего, всё на местах. Не знаю уж, как он успел, но явно чувствовался большой опыт. Шериф подмахнул бумагу не глядя.

— Я могу теперь забрать свои вещи? — спросила я наконец, так и не дождавшись комментариев по этому поводу, а выпотрошенная сумка продолжала сиротливо лежать на столе.

— Забирайте, — кивнул Блак.

И под непонятными, но пристальными взглядами мужчин я с облегчением принялась собирать всё вываленное обратно. Помощь никто не предложил, и это к лучшему: так помогут, что потом ничего не найдёшь.

Поначалу даже порадовалась, что теперь у меня хотя бы есть деньги. Точную сумму наличных я, конечно, не помнила, но общий вид кошелька и его содержимого не возбуждал подозрений в краже. Однако по мере возвращения содержимого в бесчисленные кармашки моё самообладание всё сильнее трещало по швам, а движения делались нервными, резкими.

Это оказалось демонски унижительно — вот так собирать вещи под задумчивыми взглядами мужчин. Личные, интимные даже предметы. Как будто меня саму раздели и пристально осмотрели со всех сторон, а теперь наконец милостиво разрешили одеться.

Умом я понимала, что эти двое — взрослые люди, и вряд ли у них, как у младшеклассников, вид женских гигиенических принадлежностей может вызвать бурную реакцию, они не такое видели и не за тем лезли в мою сумку. И, казалось бы, после всех событий последней квартиры пора бы уже отрастить толстую шкуру, но... Как же мерзко!

— Где вы планируете остановиться? — голос шерифа заставил меня дёрнуться от неожиданности.

С ответом я так сразу не нашлась — просто не думала раньше над этим вопросом. Я же ехала к надёжному человеку и была уверена, что уж с жильём проблем не возникнет. А теперь...

— Здесь есть приличные гостиницы? — спросила мрачно.

— Есть. Но номер вы заранее не заказывали? Вы всегда так путешествуете — в никуда? — с насмешкой спросил шериф.

И я снова не выдержала.

— Я ехала по рекомендации человека, которому всецело доверяла, — выцедила зло, вцепившись в висающую на плече сумку так, что пальцы свело. — И этот человек уверял меня, что со всем необходимым поможет его надёжный товарищ. Очевидно, верила я ему совершенно напрасно, потому что, как вижу, врал он во всём, начиная с особенностей местного климата и связи и заканчивая надёжностью его якобы товарищей. Мне, конечно, раньше следовало делать выводы о целесообразности доверия людям как такового и уж точно не стоило соглашаться на поездку в эту Творцом забытую дыру, гостеприимство которой оставляет желать лучшего. Если для вас назвать адрес — чрезмерное усилие, что ж, прекрасно, я спрошу кого-нибудь ещё, надеюсь, где-нибудь в окрестностях найдётся человек, способный на элементарную вежливость. Но перед этим я бы хотела получить свои вещи. Или хотя бы официальный документ об их изъятии в качестве улики с подробной описью.

В горле стоял колючий, горький комок, и я чувствовала, ещё немного — и сорвусь или в крик, или в слёзы.

Демоны бы побрали этих менталистов с их побочными эффектами...

— У вас что-то пропало? — мрачно спросил шериф, кивнув куда-то в сторону. Я не сразу сообразила, о чём он, поэтому замешкалась.

— Я имею в виду те вещи, которые остались в вагоне. Я так понимаю, место происшествия вы ещё не осматривали? Прекрасно. Значит, я поеду туда с вами.

— Вот ещё посторонних на месте преступления мне не хватало! — проворчал Блэк.

— Поскольку это {мои} вещи, я желаю, чтобы осмотр производился в моём присутствии. Имею право.

— Да уж, права вы свои явно знаете назубок, — мужчина поморщился.

— А вы к этому явно не привыкли, да? С деревенскими-то проще, им что сказал — то они и делают, независимо от законности.

— Нечего вам там делать, вещи потом заберёте. Ничего с вами до вечера не случится без них, — возразил он.

— Уже случилось. Может, для вас, конечно, нормально — декадами не менять одежду, а я к такому не привыкла и привыкать не намерена. Я уж не говорю о том, что со здешней «курортной» погодой чудо, что я до сих пор не заболела.

— Не знаю, какая из вас судья, но уже догадываюсь, за что вас дома хотят убить, — мрачно хмыкнул Блэк. — И начинаю жалеть, что у них это не получилось.

— Госпожа Шейс, — не дав мне ответить на оскорбительное высказывание, опять вмешался заместитель шерифа. — Не могли бы вы подождать снаружи? Только внимательно осмотрите стул, если соберётесь сесть, он может быть в аварийном состоянии. Надо сделать пару звонков, а потом вы проедетесь с группой до станции и заодно взглянете, может, в купе чего-то будет недоставать.

— Благодарю, — сумела я всё же выцедить и вышла. Даже дверь не хлопнула.

— Какого демона ты... — начал Адриан, когда женщина вышла и аккуратно закрыла за собой дверь.

— Она действительно имеет право присутствовать при осмотре собственных вещей, — отозвался Кириан, без труда догадавшись, что хотел высказать начальник. — Хочет — пусть едет, в чём проблема-то?

— До чего же вредная баба! — поднимаясь с места, проворчал шериф не то в ответ на вопрос, не то просто выражая негодование.

— Декада, — лаконично отозвался Клет, аккуратно сворачивая коврик.

— Что — декада?

— Или меньше, — окинув друга оценивающим взглядом, рассеянно добавил заместитель.

— Что — меньше? Кир?

— Я говорю, не пройдёт декады, и либо вы с этой женщиной окажетесь в одной постели, либо кто-то кого-то посадит. Причём, скорее всего, она тебя за превышение полномочий и другие мелочи, на которые ты по привычке не обращаешь внимания. Но я бы всё-таки поставил на постель.

— Тебя Грута укусила, что ли, что ты решил свахой поработать? — поморщился Адриан, обводя задумчивым взглядом кабинет. Открыл ближайшую дверцу шкафа, закрыл.

Аделия Грута была известной городской сплетницей и сводней. Бойкую женщину неопределённого возраста «от сорока до бесконечности» откровенно побаивался весь Клари, потому что её предсказания относительно личной жизни сбывались вопреки всякой логике и здравому смыслу.

— Заметь, про свадьбу я ни слова не говорил, — возразил Кириан. — Но если тебя интересуют вводные, послужившие основой для такого вывода... Ты весь разговор так откровенно пялился на её грудь, что даже мне было неловко. А поскольку женщины подобное замечают очень быстро, но она не попыталась двинуть тебе по морде или хотя бы призвать к порядку,

и вообще кажется не обратила внимания... — он выразительно развёл руками. — А что ты ищешь?

— Уже нашёл, — отмахнулся Блэк, вытаскивая с одной из полок непонятный тёмный свёрток.

— Что это?

— Неважно. Группа где?

— Обещали ждать в фургоне, наверное, уже там.

— Надо пройтись по списку пассажиров, местных опросить, кто что видел. Сам или пошлешь кого — на твоё усмотрение. Кроме госпожи Дхур, я к ней сам зайду, — после паузы решил он.

— Какое благородство, — с иронией прокомментировал Кириан. — Боишься, что старуха молодёжь съест без соли?

— Нет, просто она вряд ли кому-то ещё расскажет всё. А она, даром что старая, идеальный свидетель, каждому бы такую наблюдательность и внимание к деталям. Надо ещё сообщить пассажирам, что вечером они смогут собрать свои вещи в вагоне, думаю, несколько часов нам на обыск хватит. Да, кстати об обысках, ты по контрабандистам...

— Отчёт почти готов. А с судьёй ты этой всё-таки как-нибудь помягче, не рычи на неё так, ей без тебя несладко. — Как оказалось, рано Адриан расслабился, к прежней теме друг всё-таки вернулся.

— Ты о чём?

— Ты правда, что ли, только ей на грудь пялился? — Кир вопросительно вскинул брови с явным недоверием в глазах. — Да её же чуть не трясло под конец, я так и думал — сейчас разрыдается. Ну и так, по совокупности... Ей явно здорово досталось, это же очевидно — и из той истории, которую тебе сослуживец написал, и по её собственным оговоркам. Ну ладно она на взводе, но ты-то можешь не отвечать тем же?

— Ладно, мамочка, не ругайся, я буду хорошо себя вести, — отмахнулся Адриан и шагнул к выходу, расправляя свёрток, в котором Кир наконец опознал форменный плащ. Не полицейский, а армейский, из прошлой жизни, отлично знакомый по службе у Разлома.

И Кириан подумал, что пари всё-таки стоило бы заключить, только не с самим Адрианом, чтобы не натворил глупостей. Потому что вкусы друга он прекрасно знал, и госпожа Шейс отвечала им от строгих туфелек на каблуках до стриженной макушки. А всё остальное поведение говорило только об одном: Адриан вспомнил вчерашнее, и ему за него стыдно, вот и рычит. Да и приглянулась она ему, но резкий характер всё портил. Кир готов был поклясться: догадайся госпожа судья улыбнуться и напомнить, что она слабая беззащитная женщина, по-человечески попросив помощи, и могла бы брать шерифа голыми руками, а так... Нашла коса на камень.

Но озвучивать эти выводы он, конечно, не собирался. Зачем, если гораздо интереснее наблюдать за происходящим со стороны?

Глава шестая, в которой находят кое-что интересное

Заместитель шерифа с каждой минутой нравился мне всё больше, жаль, я так и не узнала, как его зовут. Не знаю, какой он следователь и насколько хороший человек, но психолог точно отменный. Во всяком случае, в коридор он меня выставил очень вовремя, потому что ещё немного и...

Творец! Да когда же это закончится?! Я ведь даже в детстве плаксой не была, и сразу после сканирования мне совсем не хотелось реветь, хотя и было очень себя жаль. А тут... Наорала на человека, вывалила на него свои переживания, даром ему не нужные, ещё минута — и точно разрыдалась бы. Хороша бы я была! Тоже мне, судья. Видел бы меня в этот момент кто-то из коллег! Или, хуже того, врагов...

Представив последнее, я искренне ужаснулась. Пожалуй, зря я начала ругать Марга. Он хоть и жук, и подставил меня всерьёз, но... Всё-таки забраться в эту глушь было хорошей идеей. Здесь меня никто — теперь никто — не знает и поведение моё не вызовет вопросов. Подумаешь, какая-то нервная особа! Мало ли таких в мире.

В общем, к тому моменту, как Адриан Блак вышел из кабинета, я успела взять себя в руки и даже немного пожалеть, что отсюда не слышно, что происходит за дверью. То ли чары какие-то звукоизолировали, то ли просто дверь толстая, то ли мужчины говорили слишком тихо. Хотя последнее сомнительно: шериф так басит, что даже его шёпот должен был слышаться отлично.

— Возьмите. — Блак закрыл дверь и протянул мне какую-то большую чёрно-зелёную тряпку.

— Что это? — опешила я от такого поворота.

— Плащ.

— Спасибо, обойдусь. Мы едем?

Блак смерил меня странным немигающим взглядом, взмахнул своей тряпкой, то есть плащом, расправляя. Я запоздало попыталась отшатнуться, но мужчина оказался проворней, и мои плечи всё-таки накрыла тяжёлая, холодная ткань. От плаща пахло странно — сыро, слегка химически, горьковато-резко. Но, на удивление, неприятным запахом не показался. Мужчина стянул края плаща у меня под шеей, набросил на голову огромный широкий капюшон.

— Что вы... — опомнилась я.

— Едем, — коротко уронил Блак, развернулся и зашагал к выходу. Пришлось почти бежать за ним, на ходу подбирая слишком длинные полы, волочившиеся по полу.

Наверное, раз уж начала показывать гордость, следовало бы стянуть плащ и попытаться вернуть его шерифу, но тут я придержала собственное недовольство. Гордость, конечно, иногда бесценное качество, но не когда она граничит с глупостью. А если я сниму плащ и начну совать его мужчине с требованием забрать обратно, то выглядеть это будет именно что глупо. Потому что, готова поклясться, одежду он назад не примет.

Снаружи погода и не думала налаживаться. Налетевший шквал обдал нас водой, дёрнул полы плаща — но внутрь не забрался.

Признавать это тяжело и неприятно, но Блак был совершенно прав.

— Передайте мою благодарность вашему заместителю, — попросила я, догнав широко шагающего шерифа сразу за выходом.

— Что? — нахмурился мужчина. Ему непогода, похоже, не доставляла никаких неудобств. На форме, что ли, артефакт пришит?

— За плащ. Это ведь он передал?

Блак бросил на меня непонятный взгляд, помолчал пару секунд.

— Передам, — буркнул он.

Что это значит, я так и не поняла, а спросить — не решилась. Да и не успела бы, потому что мы дошли до уже знакомой по вчерашней поездке машины, возле и внутри которой скучали несколько полицейских.

— Госпожа Ракс? А что это вы с нами? — любопытствовал один из них, когда мы все разместились в салоне фургона. Завр — вспомнила я его фамилию.

— Опасается за свои вещи, — хмыкнул шериф, воспользовавшись моим замешательством — с ходу внятно объяснить, зачем я это делаю, не получилось.

— Ну это вы напрасно, — обиделся Завр. — У нас всё аккуратно и не ворует никто.

— Я и не думала об этом, — поспешила заверить его. Ссориться со всей местной полицией глупо, достаточно мне одного шерифа. — Просто... — я замялась, судорожно пытаюсь подобрать достойное оправдание.

— В детектива захотелось поиграть? — засмеялся один из них, тоже смутно знакомый. — Как в ваших книжках?

Я была готова искренне поблагодарить и даже расцеловать его за такую замечательную версию, которую безо всякого подтверждения с моей стороны охотно подхватили все трое, и даже знакомый по вчерашней поездке водитель поддержал смехом. Всяко лучше, чем признаваться, что сглупила и погорячилась. Только насторожённо глянула на шерифа, который мог легко опровергнуть сказанное или придумать какую-нибудь гадость в своей обычной манере.

Однако Блак помалкивал, задумчиво разглядывая меня с лёгкой усмешкой в уголках губ. Даже неожиданно. Правда, под таким его взглядом стало ещё больше не по себе, чем даже вчера, когда шериф ругался. Потому что вчера он казался грубым и неотёсанным болваном, а сейчас...

Чистый и в свежей форме, он уже не походил на пьяницу, но стал казаться ещё более звероватым. Такое бывает с очень темноволосыми мужчинами: даже гладко выбритая, кожа на лице выглядит сизой, что придаёт откровенно разбойный вид. А уж вкупе с остальными чертами лица, слегка взъерошенными волосами и, конечно, цепким тяжёлым взглядом его наружность откровенно пугала. Взгляд особенно. Я как-то вдруг запоздало вспомнила, что передо мной не увалень-здоровяк, грозный только физической силой, но очень опытный и, что уж там, талантливый некромант, а значит, точно не дурак.

Остаётся только надеяться, что он не станет мстить за несколько резких слов в свой адрес, сейчас-то вон не стал. Главное, забрать свои вещи и постараться больше с ним не сталкиваться.

С этой надежды мысли перескочили на другое. Железнодорожная платформа находилась вдалеке от города. Рассмотреть вчера в темноте я ничего, конечно, не могла, но в карту ради интереса заглядывала и не могла припомнить где-то поблизости какого-то жилья. Но тогда интересно, как вчера добирался домой шериф?

Перед глазами встал образ трусящего по улице косматого медведя, и я даже тряхнула головой, отгоняя яркую картинку. Нашла о чём думать! Остальные-то пассажиры как-то разъехались, вот и шерифа небось кто-то подвёз. Да и не может он быть медведем на самом деле, потому что некромант, а одновременно быть перевёртышем и владеть магией нашего лепестка невозможно.

Об этой особенности знает каждый ребёнок: магия двух разных лепестков не смешивается, да и перемещается она из лепестка в лепесток очень неохотно. Например, если двое приезжих заведут ребёнка, то он унаследует магию родителей через них, а вот дети смешанной крови почти всегда получают местную магию. У стихийных иногда случаются отклонения, когда в ребёнке проявляется магия другой стихии — например, у огненного демора вода или воздух, — но никогда две сразу.

Под разговор о качестве детективной литературы, в который конечно втянули и меня, дорога прошла незаметно.

Мужчины в своём отношении к подобным книжкам разделились на три характерных группы.

Завр, который с самого начала показался мне очень добродушным и мягким человеком, невесть зачем попавшим в полицию, придерживался дипломатичной точки зрения, что каждый выбирает книги себе по душе, и если он никому этим не вредит — то какая разница, что читает?

Второй полицейский, пожилой лысый тип с вислыми усами, который и подкинул мне эту идею, читал исключительно серьёзную, проверенную временем литературу или что-то нехудожественное, а к лёгкому чтиву относился со снисходительной насмешкой.

Ну а третий, которого я по понятным причинам сразу же невзлюбила, искренне считал все женские книжки по умолчанию глупыми и бессмысленными, а женщин — неспособными написать что-то приличное. С ним я изо всех сил старалась не ругаться, потому что бессмысленно, но всё равно не удержалась и несколько раз эмоционально высказалась...

Хорошо, что дорога оказалась не очень долгой.

А ещё, наверное, хорошо, что в разговоре не участвовал Блак. Или, может, лучше бы участвовал?.. Тогда бы я, выслушав всё, что думает этот человек о женских вообще и моих умственных способностях в частности, окончательно с ним разругалась и, может, не косилась бы насторожённо, ожидая подвоха. Но шериф слушал спор молча, всё так же неопределённо улыбался, то поглядывал на меня, то — вообще смотрел вперёд, в лобовое стекло. Допускаю, что он вообще нас не слушал, но всё равно под тяжёлым взглядом делалось не по себе: я оказалась заложницей первого впечатления и теперь не могла отделаться от мысли, что за каждым моим движением следит опасный хищник, который только и ждёт момента вырвать горло.

Творец! До чего всё-таки... своеобразный мужчина.

От места, где остановился автобус, до станции пришлось немного пройти. При свете дня и под низким серым небом выглядело это место весьма уныло: широченное полосатое полотно железнодорожных разъездов, справа — закрытые сейчас ворота, мостовой кран за ними и какие-то склады, впереди темнеют на фоне леса разномастные потёртые вагоны. Влево убегают блестящие рельсы, на которые я покосилась с тоской. Чуть в стороне, тоже слева, небольшой сарайчик — кажется, он выполнял тут функции вокзала. Пассажирский вагон стоял ближе к нему.

Шериф, не обращая внимания на нас, зашагал к месту преступления. Завр вежливо предложил мне локоть, и пренебрегать опорой я в этот раз не стала: добродушный сержант нравился мне всё больше. Да мне вообще все местные, похоже, нравились, кроме Адриана Блака. «Ну почти», — поправила я себя, бросив задумчивый взгляд на затылок идущего впереди полицейского, ругавшего мои любимые книги.

— А док опять опаздывает, — проворчал он, обращаясь к идущему рядом вислоусому.

— Док не опаздывает, док задерживается, — возразил тот. — Не дай Творец, Блесс сегодня опять «нырнул», мы его тогда вообще не дождёмся.

— Да не должен, — вставил Завр. — Он вроде только вышел, теперь пару квартал проработает.

— Вы о чём? — не выдержала я.

— Да хирург из госпиталя, — смущённо пояснил сержант. — Он так-то хороший врач, но...

— Поддаёт он, — через плечо бросил прямолинейный старший. — Доктор Трас вообще-то живых резать права не имеет, он же по трупам. Но когда Блесс «ныряет», а это обычно на декаду-полторы, больше его заменить некому. Лет пять назад наш хирург был толковым, а теперь... Люди предпочитают или к доку под нож, или уж до Фонта дотерпеть, даже когда Блесс трезвый.

— Какой ужас, — совершенно искренне посочувствовала я местным жителям.

— Док Трас хороший врач, — вступился за него Завр. — Он раньше и был хирургом, говорят, вроде аж в столице, только ушёл потом. Не то скандал случился, не то просто ему надоело с живыми...

— Тихо! — рывкнул шериф, за спиной у которого мы остановились. Я дёрнулась от неожиданности и нервно поправила плащ, а мужчины осеклись.

Возвышавшийся в паре метров впереди вагон вот так, вблизи, смотрелся зловеще. Он выглядел мокрым, но вода не стекала по окнам, не срывалась струйками со специальных защитных козырьков; капли росчерками застыли на стёклах, а свежие струи дождя словно огибали синие железные стены. Сквозь чёрные окна не проглядывали жёлтые занавески, да и наверху откинутой лестницы, за приоткрытой дверью, словно притаилось что-то тёмное, жуткое. Я искренне порадовалась, что по-прежнему цепляюсь за локоть Завра и рядом, помимо него, ещё трое спокойных уверенных в себе мужчин. Потому что одна я бы к этому вагону точно не подошла.

Первый раз вижу предмет, полностью выключенный из потока, да ещё такой большой и на открытом пространстве. Всё же шериф исключительно сильный маг...

Магия нашего лепестка совсем не похожа на бурную стихийную, она очень редко имеет внешние проявления. Менталисты, при всём их могуществе, совершенно незаметны, нейтралы — тем более. Выглядеть эффектно может только магия некромантов, когда кто-то из них призывает или изгоняет духа.

Духов призывают либо для разговора, либо для заключения в кристалл-накопитель или какой-то другой сосуд, то есть в качестве источников энергии. Очень могущественных источников, не чета стихийным. И духи бывают двух типов: разумные, сохранившие память прошлой жизни, и... все остальные, «дикие». И если первые, как люди, ведут себя очень по-разному и использование их в технических целях строжайше запрещено и приравнивается к лишению свободы живого человека, то вторые — неизменно агрессивны, опасны и очень полезны. Хотя никто, честно говоря, до сих пор не знает, что вообще представляют собой последние. То есть вроде бы какие-то теории существуют, но я не слышала, чтобы какую-то из них сумели доказать и приняли основной.

Большинство обывателей никогда не видели некромантов в деле. Я была бы в их числе, если бы не учёба: в университете нас учили допрашивать и духов, хотя, конечно, для студентов-нейтралов это было больше теоретическое знание, которое вряд ли пригодится на практике.

Впрочем, теперь я уже сомневалась, что работа с духами — самая зрелищная часть этой магии. То, что делал сейчас Блак, впечатляло.

Вокруг неподвижной и словно бы расслабленной фигуры некроманта завивались ленты тумана. Я не могла сказать, возникли они постепенно, сгустившись из окружающей сырости или уже такими, плотными, стекли с пальцев мужчины. И уж тем более не могла уверенно утверждать, сколько в том, что видится мне белёсой дымкой, настоящей влаги, и есть ли она там вообще.

С десяток секунд туманные плети ластились к ладоням некроманта, обвивали его ноги, деля пополам на утопающий в облаках утёс. А потом медленно потекли к вагону, набирая силу, расходясь широким конусом, обретая плотность и густую, молочную белизну.

Лавина ударила о колёса вагона, но не остановилась — потекла вокруг и под него, поползла по стенам, карабкаясь всё выше. В сплетении переменчивых линий чудились то оскаленные пасти, то кричащие лица, то мчащийся вперёд табун лошадей.

За полминуты туман погрёб под собой вагон до самой крыши и замер, как будто переваривая добычу. Чудилось, что сейчас он опадёт — и не останется ничего, только пустые рельсы. Однако через несколько мгновений дымка начала таять под ударами дождевых капель, покрывалась порами и кавернами, щупальца её скрючивались, съёживались. Уже через минуту

последние ключья тумана остались только в темноте между рельсами — грязно-серые, словно остатки прошлогоднего снега весной.

Умытый туманом, вагон стал обычным, окна его прозрели, а по крыше забарабанил дождь. Но после таких «водных процедур» я окончательно пожалела, что навязалась в компанию к Блаку. Всё-таки в Разлом эту следственную работу, я ещё побарахтаюсь и попробую вернуться на своё место. Пусть ответственности больше, но мои нервы, похоже, окончательно привыкли тянуть именно её, а не вот эти... новые впечатления.

Шериф в прежнем молчании, не оборачиваясь, зашагал к вагону. Мужчины спокойно последовали за ним, и мне ничего не оставалось, как продолжить опираться на локоть сержанта.

По крутой лестнице я забиралась последней. Завр протянул руку помощи, но мне просто не хватило бы ладоней ею воспользоваться: одной я держала полы длинного плаща, чтобы не наступить на них, второй — крепко цеплялась за перила и добровольно выпустить их не рискнула бы.

Нет, всё-таки я слишком привыкла к городу со всеми его удобствами. И терпеть не могу путешествия.

Внутри уже басил Блак, отдавая приказы подчинённым, так что к тому моменту, как я подобралась к купе первого класса, двое полицейских уже прошли дальше по вагону, осматривать вещи остальных пассажиров, а Завр протиснулся мне навстречу и умчался за понятиями.

Шериф, стоявший в проходе купе, запнулся об меня взглядом.

— Почему вы гоняете именно его, а не рядового? — вырвалось само собой. Но это даже к лучшему, потому что вопрос был достаточно безобидным, и он явно отвлек Блака от каких-то кровавых мыслей в мой адрес.

— Завр вызывает доверие, — неожиданно ответил мужчина.

— То есть?

— То есть он лучше находит общий язык с людьми, ему доверяют и помогают, — ещё неожиданной пояснил Блак, опускаясь на корточки в проходе, чтобы внимательно разглядеть купе.

Так и хотелось спросить, в сравнении с кем лучше, уж не с самим ли шерифом, но я волевым усилием сдержалась. Ну что за детский сад, в самом деле? Сейчас Блак ведёт себя на удивление спокойно и ровно, не насмехается и не пытается задеть, так надо воспользоваться шансом на примирение!

— Значит, когда вы вошли, свет не горел, — задумчиво пробормотал он. — Нашарили выключатель... Где вы стояли?

— Вот примерно там, где вы сейчас.

«Передняя ваша часть», — добавила про себя.

Блак покосился на выключатель, опять обвёл взглядом комнату — медленно, явно подмечая детали. Я стояла сбоку и совершенно не рвалась заглядывать внутрь, пока там лежал труп.

— Вам знакома эта вещь? — спросил шериф, поднимаясь. Он когда-то успел натянуть чёрные защитные перчатки и сейчас продемонстрировал мне висящий на мизинце брелок.

На короткой цепочке с кольцом болтался стеклянный шарик с парящим внутри островерхим зданием смутно знакомых очертаний. Я машинально протянула руку, чтобы взять вещицу и рассмотреть, но сама же опомнилась и отёрнула, не донеся до стеклянной поверхности. Не стоит хвататься голыми руками за улики, на которых точно нет моих следов.

— Первый раз вижу, но здание внутри кажется смутно знакомым.

— Это Рассветная Башня, одна из достопримечательностей Фонта, — просветил шериф.

— А-а, — со значением протянула я. — Нет, это точно не моё. Я не люблю такие безделушки.

— Слишком дешево? — Он насмешливо вскинул брови.

— Слишком бессмысленно, — ответила спокойно. — Их обычно привозят из поездов просто для галочки, без души и желания сделать приятно. Достаточно дешево, чтобы купить горсть, раздать едва знакомым людям и выкинуть из головы.

— Не любите сувениров?

— Не люблю лицемерия. Если уж привозить что-то кому-то из поездки — привозить то, что нужно и понравится именно ему, и выбирать персонально. А чем вас так заинтересовала эта безделушка? — поспешила я сменить тему: уж слишком личный оттенок начал принимать разговор.

— К ней был привязан пожиратель, прикончивший вашего соседа.

— Пожиратель? — переспросила я, инстинктивно качнувшись прочь от купе, но поспешила взять себя в руки.

— Не беспокойтесь, его здесь давно нет. Да и в реальном мире, подозреваю, уже тоже, — заверил некромант. Насмешничать и высказываться по поводу моего страха не стал, и это немного смутило. Может, он правда решил пойти на мировую?..

— А разве они способны вот так... выпотрошить? — голос под конец всё-таки дрогнул.

— Ещё как, — криво улыбнулся мужчина.

— И почему он тогда не сожрал весь вагон?

— Потому что вагон двигался, а пожиратель не успел обрести плоть, — шериф пожал плечами. — Он был заключён в этот сосуд. Когда из него выполз... ну это ещё предстоит выяснить, как и когда. У него было два желания: жрать и освободиться от остатков поводка. Накинулся на первое живое существо в поле досягаемости и, получив от него необходимую энергию, разорвал привязь и только после этого воплотился. И обнаружил себя посреди дорожного полотна.

— В каком смысле?

— Поезд движется, сосуд лежит внутри. Когда дух привязан к сосуду — он движется вместе со своим вместилищем. Нет привязки — лети своим ходом за поездом. Ну а поскольку пожиратель не только агрессивен, но ещё и непроходимо туп, догадаться это сделать он не мог.

— То есть где-то по горам шастает эта голодная тварь?

— Проверить стоит, но маловероятно, он в воплощённом виде без дополнительной подпитки долго не просуществует, а там места пустынные, тем более среди ночи. Вот если бы поезд стоял — тогда было бы весело, да, одним покойником не обошлось.

Меня передёрнуло от этого «весело», но высказываться вслух я не стала. Некроманты, они почти все такие, тут уже не в конкретном господине Блаке дело. Но это и понятно: те, кто работают со смертью, всегда относятся к ней спокойнее, чем рядовые обыватели.

Пожиратели — это одни из самых мерзких потусторонних тварей. Впрочем, {не} мерзких тварей среди этих существ исчезающе мало. До того как люди с ними столкнулись, считалось, что полностью уничтожить душу невозможно. Люди этого не могут до сих пор, а вот такие сущности — вполне.

Мне в судебной практике довелось вести единственное дело, в котором была замешана подобная тварь, ещё о паре слышала от коллег. Использовать подобную сущность как орудие убийства — очень заманчиво, потому что с гарантией лишает следствие главного свидетеля, покойника, который хоть и не способен указать на организатора, но уж всяко в красках вспомнит, с кем у него были конфликты. Погибшие насильственной смертью, как правило, очень жаждут покарать убийцу.

Однако с пожирателями рискуют связываться очень немногие. По одной простой причине: контролировать эту тварь невозможно. Она нападает на первую подходящую жертву, оказавшуюся в поле досягаемости, после чего переключается на следующую, и остановить это существо под силу только хорошему некроманту.

Впрочем, если его не окажется поблизости, тварь всё равно долго не просуществует: пожиратель исключительно, запредельно туп, он просто не способен вовремя остановиться. Поэтому, разорвав пару десятков жертв, он просто лопаётся от переизбытка энергии, устраивая мощный взрыв. Кажется, когда мы ещё воевали с Зелёным лепестком, их пытались использовать как оружие для диверсий.

— Лавиния, это ваш чемодан? — окликнул меня вновь опустившийся на корточки шериф, закончив манипуляции с объёмной разновидностью аурографа, предназначенной для считывания энергетического фона помещения.

— Где? — спросила, не трогаясь с места.

— Здесь, на кровати, — насмешливо отозвался мужчина.

— Мой — маленький, голубого цвета. На колёсиках, — не поддалась я.

— Ну... учитывая, что второй — чёрный, выходит, этот — ваш, — Блак опять искоса глянул на меня.

— Погодите, как — на кровати? — опомнилась я. — Он же был внизу, под койкой! И я его не доставала...

— Значит, осмотреть его решил ваш сосед, — предположил мужчина. — Может, именно за это и заплатился...

— Что вы имеете в виду?

— Судя по всему, пожиратель набросился на него в тот момент, когда он открыл ваш чемодан или немного погодя. Навести пожирателя на конкретную цель невозможно, поэтому вполне может быть, что сосуд подбросили вам. И убить тоже пытались вас.

— Неужели вы уже не думаете, будто я могла его прикончить за то, что полез в мои вещи?

Блак сначала поднял на меня взгляд, усмехнулся. Опять встал, навис, разглядывая с гастрономическим интересом. Я ответила упрямым взглядом в глаза, нечего показывать этому хищнику свой страх. Ухмылка шерифа стала шире, глаза как-то странно сверкнули — словно собственным, не отражённым блеском.

— Морально может и смогли бы, технически — вряд ли.

— И почему так изменилось ваше мнение за пару часов?

— Я не понял, вам настолько понравилось в изоляторе, что не терпится туда вернуться? — со смешком спросил некромант.

От такого закономерного щелчка по носу я немного стусевалась, но не отступила.

— Я хочу понять, чего от вас ждать. То вы меня обвиняете во всех грехах творения, то просто рычите, теперь вот, наоборот, уверяете, будто покушаться могли на меня. Может, уже определитесь?

— А вам как больше нравится? — глумливо уточнил шериф.

— Держаться от вас подальше!

— Тогда какого же демона вы в меня вцепились клещом? — он насмешливо вскинул брови.

От продолжения разговора меня спас грохот шагов в тамбуре и голос Завра:

— Капитан, я привёл понятых!

— Наконец-то, — отозвался Блак. — Пройдите, не мешайте, — велел мне.

Упираясь не стала, молча и не глядя в купе миновала открытую дверь, протиснувшись мимо некроманта так, чтобы случайно его не коснуться, и остановилась в метре дальше по коридору, у двери в купе второго класса.

Понятыми оказались, судя по ярко-красным робам и чёрным рукам, работники железной дороги. Да оно и понятно, кого тут ещё отыщешь в такую погоду! Один взглянул на место происшествия мельком и отшатнулся, побледнев, второй оказался заметно крепче: обвёл взглядом, сделал отвращающий жест, но остановился так, чтобы всё видеть.

Блак одобрительно кивнул и взялся за обыск основательно. А я отвернулась к окну, прижалась лбом к холодному стеклу и прикрыла глаза. Чувствовала себя в этот момент круглой дурой и законченной истеричкой.

Вот зачем я напросилась с шерифом? Ну не думала ведь в самом деле, что он станет что-то мне подбрасывать, красть или с маниакальным видом рыться в нижнем белье?!

И зачем цепляюсь к нему? Ведь первая же сейчас начала, а Блак был вполне вежлив и сдержан, насмешничать начал только после того, как я сама его к этому вынудила. Да, вчера он повёл себя некрасиво, и сцена в кабинете возмутила меня до глубины души, но... Ведь ничего такого уж ужасного он не сотворил. Да и утром я сама старательно провоцировала конфликт. А некромант рычал, скалился, да, только не укусил ни разу, даже в шутку...

Тьфу, ну вот опять! Что же я так прицепилась к его сходству с животным, а?

Неужели настолько боюсь? Я всегда, сколько себя помнила, от страха только больше лезла на рожон. Наверное, если бы умела драться, то и с кулаками бы кидалась на обидчика. Впрочем, это, если вспомнить детство, ни разу мне и не пригодилось бы: те сверстники и ребята постарше, которые пытались меня задирать, обычно тушевались от неожиданной реакции, а после — и сами предпочитали не связываться. С возрастом, конечно, научилась отвечать спокойно, да и... почему-то никакие угрозы «найти, достать, порезать от уха до уха» никогда всерьёз не трогали, даже когда звучали очень иносказательно от спокойных и вежливых мужчин в элегантных костюмах.

Как будто в детство вернулась. То слёзы, теперь вот ершистость эта... Точно ведь последствия сканирования. Творец! Когда это закончится?! И закончится ли вообще с такой заменой прописанному менталистом отдыху?..

Глава седьмая, в которой жизнь начинает налаживаться

Никаких полезных находок Адриан от обыска остального вагона не ждал, так и получилось. Если убийце хватило наглости связаться с пожирателем и ловкости обставить всё так, что эту тварь даже не услышали за пределами купе первого класса, вряд ли он мог оставить при себе какие-то значимые улики.

А по меньшей мере одна такая когда-то существовала: сосуд, в котором переносили духа. Хлипкая безделушка, купленная в безвестном ларьке, не могла удержать сущность достаточно долго и достаточно крепко, значит, пересадили его туда уже в поезде из более надёжного вместилища. Но оно наверняка валялось где-то под откосом вдоль дороги или кануло в пропасть. Причём и спрашивать об открытых окнах бессмысленно, потому что есть окно в туалете, и там свидетелей не окажется с гарантией.

К сожалению, для «пересадки» пожирателя не требовался дар некроманта, существовал десяток простых способов: дух сам рвался «ослабить режим заключения». Это затолкать его обратно нужна сила и опыт, а тут... Оставалась слабая надежда, что более внимательный анализ брелока поможет установить способ, которым воспользовался убийца, и это даст зацепку.

По-хорошему, всё это следовало сделать вчера и отпустить пассажиров с миром и личными вещами, но изменять прошлое Блак не умел. А теперь предстояло как-то вернуть чемоданы хозяевам, да ещё проследить, чтобы ничего не пропало и не поменяло владельца.

— Судя по степени окоченения, мёртв часа три-четыре, — бодро сообщил Вистон Трас, невыразительной наружности, но заметных талантов мужчина средних лет. — Имею в виду, до того момента, как ты всё это... законсервировал, — он неопределённо взмахнул рукой в защитной перчатке. — Точнее скажу после вскрытия. От чего именно умер, от травм или иссушения души, — вот так с ходу не отвечу, но попробую установить, задача интересная. Впрочем, разница небольшая, оба повреждения наверняка нанёс пожиратель, так что тебе такие тонкости неинтересны. Жрали его лежащего. Вероятнее всего, мужчина стоял в проходе, потом то ли отшатнулся, то ли упал на койку, ну и... уже не встал. Да это ты и сам, думаю, понял.

— Понял. Почему он не кричал?

— Ты это у меня спрашиваешь? — доктор отвлёкся от осмотра и поднял насмешливый взгляд на шерифа.

Сквозь толстые линзы энергетических очков, слабо светящихся зелёным, глаза его казались огромными и словно нарисованными на этих самых стёклах. Забавный оптический эффект, не больше; для того, кто их носил, очки ничего не увеличивали, просто позволяли видеть магию. Адриан знал об этом только в теории: как сильному некроманту, ему такие вещицы даже в руки давать не стоило, пользоваться ими без вреда для артефакта могли только нейтралы.

— Если у тебя есть этому объяснение — то у тебя, — невозмутимо пожал плечами некромант. — Вдруг он резко онемел? Или его парализовало?

Доктор Трас несколько раз задумчиво моргнул очками и опять вернулся к осмотру трупа.

— Я проверю дыхательные пути и кровь. Но вряд ли, ищи другие объяснения.

— Вит, я тебе рассказываю, с какого конца трупы потрошить надо? — мрачно спросил шериф. — Вот и ты не учи меня работать.

— Подумать, какой нежный и трепетный! — фыркнул Вистон, которого ворчание некроманта не беспокоило. — Ладно, всё, этого можно забирать на опыты. Есть у тебя пара крепких парней? Я на труповозке, но один.

Парни, конечно, нашлись, но с выносом тела пришлось повозиться. Повезло только в одном, оно ещё не до конца окоченело, так что под собственный тихий мат и угрожающий рык шерифа полицейские сумели упаковать труп в мешок и выволочь наружу, позволив Адриану продолжить осмотр уже без фонащего смертью тела. Те следы, которые могли затоптать, он к этому моменту уже снял, а теперь следовало более внимательно изучить остальное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.